

До МК
разбившихся
чрез

ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

18+

Екатерина Дибривская

Домик разбившихся грёз

Серия «Любовь вопреки», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67459959

SelfPub; 2022

Аннотация

С категоричным упрямством нас свела сама судьба.

Мы встретились снова. Я и мой первый мужчина. Тот, кого я должна ненавидеть, но люблю так же сильно, как и в той далёкой и нереальной жизни. Тот, кто смотрит на меня так, словно не он бросил меня беременную, мимоходом сообщив смской, что женат и никогда не планировал бросать семью. Тот, кто ни разу не поинтересовался, ЧТО стало со мной и тем ребёнком. Тот, кто, вероятно, считает меня всё той же наивной девчонкой, которая снова попадётся на его удочку.

Да только я больше не та. Совсем не та. И не должна подчиняться ему. Хотя моё тело дрожит в предвкушении от каждого его случайного прикосновения. Или не случайного? Ой, да какая разница, если он женат, а я... вообще-то, выхожу замуж всего через каких-то полгода!

Содержание

1. Аля	4
2. Алекс	12
3. Аля	19
4. Алекс	27
5. Аля	36
6. Аля	43
7. Алекс	52
8. Аля	64
9. Алекс	75
10. Аля	89
11. Алекс	98
12. Алекс	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Екатерина Дибривская

Домик разбившихся грёз

1. Аля

Рождественские каникулы в Европе – звучит сильно. И стильно. Именно поэтому я безмятежно продолжаю постить селфи на своей страничке в соцсети, продолжаю писать, как я счастлива провести каникулы вдали от Родины, продолжаю отвечать смеющимися смайлами на зависть московских друзей.

А сама стою за стойкой элитного бара, расположенного рядом с дорогущим отелем, потому что рассорилась с папочкой-тираном и решила жить самостоятельно.

Потираю высокие бокалы льняной салфеткой, бросаю скрытные взгляды на красивого молодого мужчину, что сидит в пятидесяти сантиметрах от меня рядом со своей спутницей, и погружаюсь в свои мысли.

Учиться, конечно, как грозилась, не бросила. Хотя, если честно, очень хотелось. Назло родителю, которого я не знала все свои шестнадцать лет, не знала, когда мама умирала от рака груди, а узнала – только после её смерти.

Когда меня, убитую горем девочку-подростка, привезли из спецприёмника-распределителя в богатый дом и сообще-

ли, что я больше не сиротка, я задала один-единственный вопрос.

«Почему?»

Несмотря на то, что я говорила еле слышно, эхо моего голоса надолго повисло в воздухе огромного каминного зала с мраморными стенами и полом.

Больше я не сказала ему ни слова: я упрямо молчала до похорон, еле выдержала пафосную церемонию прощания и погребения, еле отсидела поминальный обед в шикарном ресторане, где я и остальные гости из моего мира казались белыми воронами. А папенька был царём.

Сразу после сорока дней меня сослали в Лондон, грызть гранит экономических наук в закрытую школу-пансион для девочек. Я не покидала стен учебного заведения даже в каникулы, что не добавило очков моему родителю и не способствовало нашему сближению.

Тем более, когда у него уже имелась любимая папина дочка. Инга старше на одиннадцать лет и на дух меня не переносит. Видимо, именно ей я обязана своим престижным образованием.

За полтора года в экономической школе я освоила программу, рассчитанную на три, и к восемнадцатилетию успешно сдала сложный выпускной экзамен, заслужив горделивую похвалу от отца. И награду за труды – сразу после школы я перешла в местный колледж с шикарной программой магистратуры. А ещё мне позволили провести вре-

мя до начала нового учебного года в Москве. Вот только я не думала, что моё понимание этого чудесного времяпрепровождения будет так сильно отличаться от папочкиного!

Вместо тихих посиделок с моими друзьями в моей квартире своё совершеннолетие я встретила на приёме в честь бала дебютанток.

Вы только прислушайтесь: *де-бю-тан-ток...* Мне одной чудится в этом звучании что-то пошлое и мерзкое?

Папенька радовался, сияя и расточая улыбки, крепко держал мою руку, зажав её до посинения в своём локтевом сгибе. Он с гордостью представлял меня всем мужчинам подходящего возраста – от 17 до 70 примерно, и я всерьёз побоялась, что следующий этап моего взросления ознаменуется замужеством.

Но вроде всё прошло хорошо, и в положенный срок я вернулась в Лондон. Только кинулась с головой в учёбу, и трёх месяцев не прошло, как отец позвонил и велел быть в Москве к новому году. Он нашёл мне жениха.

Сорокалетнего мужика с рыхлой дряблой фигурой, проплешинами в волосах и тошнотворной привычкой цыкать я запомнила слишком хорошо. И мне плевать сколько миллиардов он готов влить в папу в качестве отступных за мою руку и сердце!

Я пригрозила, что брошусь под машину, отказалась ото всех отцовских денег и собралась оставить учёбу в колледже, но ему всё же удалось уговорить меня не торопиться с при-

нятиями поспешных решений и не делать глупостей. Для начала.

Так что, да, учёбу я не оставила. И под колёса не бросилась. А вот с уютной квартиры, ключи от которой папенька вручил мне перед отъездом, съехала в общежитие при колледже. Единственное, в чём не сдержала слово, – внесла плату за комнату отцовскими деньгами. Но не на панель же мне было идти?

Друзья помогли мне устроиться в этот бар, и теперь я начищаю бокалы и разливаю коктейли пять раз в неделю с семнадцати вечера и до двух ночи. Даже в рождественский сочельник.

– *Хей, Эл, о чём задумалась?*¹ – тихо спрашивает у меня старший бармен, наклоняясь неприлично близко к моему уху.

– *О том, что неплохо было бы глотнуть кофе. Я уже с ног валяюсь!* – отвечаю ему и улыбаюсь.

Мужчина, что сидит напротив меня через барную стойку, этот великолепный образец с лёгкой небритостью и часами за пару десятков тысяч долларов, неожиданно перехватывает мою улыбку, встречаясь со мной глазами.

– *Два кофе, пожалуйста,* – обращается он ко мне. – *На свой вкус.*

Я произвожу необходимые манипуляции, колдуя над ко-

¹ В этой и последующих главах, действия которых происходят в Лондоне, курсивом выделены диалоги, ведущиеся на английском языке.

фемашиной. Почему-то именно в этот момент мне абсолютно не жаль, что смена баристы заканчивается гораздо раньше моей. Я варю крепкий чёрный кофе, но добавляю в него корицу, имбирь и мускатный орех.

– *Ваш кофе, пожалуйста,* – возвращаюсь я к клиенту.

Выставляю перед ним одну чашку, вторую собираюсь поставить перед его девушкой, но он тормозит мою руку, мягко обхватывая пальцами запястье.

– *Этот – для вас.* – и, видя, что я сомневаюсь, добивает, – *пожалуйста, я бы хотел хотя бы немного скрасить вам праздничный вечер, который вы вынуждены проводить не в кругу семьи.*

– *Спасибо,* – не отказываюсь я и смущённо отвожу взгляд.

Его пальцы всё ещё обхватывают моё запястье. Кожа в местах соприкосновения пылает и покалывает, а сердце неожиданно ухает куда-то вниз.

Мужчина смотрит на бейдж и улыбается мне.

– *Эл?..*

– *Элла,* – говорю ему быстро.

Так проще, чем пытаться объяснить загадочное русское имя и собственные заморочки.

– *Алекс.*

– *Эл, всё хорошо?* – снова материализуются поблизости бармен.

– *Спасибо, Чарли. Всё в порядке.* – успокаиваю его и снимаю свободной рукой руку клиента. – *Извините.*

Алекс сидит практически до самого закрытия. Его спутница потягивает лёгкие коктейли, в то время как сам мужчина пьёт виски.

К закрытию смены я начинаю потихоньку прибирать всё вокруг. Когда девица, пошатываясь, встаёт и идёт в уборную, я как раз иду в том же направлении, к дверям кухни.

У неё звонит телефон.

– Да, он почти готов. Жди на этаже. Как только отрубится, я открою номер. Хорошо.

Вот дрянь! Клофелинщица!

Я возвращаюсь за стойку одновременно с ней и не успеваю предупредить Алекса. Девушка что-то шепчет ему на ухо, и он усмехается.

Мужчина отвлекается на телефонный звонок и отходит от стойки, а эта дрянь всыпает в его порцию виски какой-то порошок.

– Выпьем ещё по одной и идём? – с очаровательной улыбкой предлагает она ему, стоит только Алексу устроиться на прежнем месте.

– Да, я не против.

– Вот же сука! – бурчу себе под нос, абсолютно не понимая, какого чёрта ввязываюсь не в своё дело.

Алекс странно смотрит на меня, не донеся стакана с обжигающим пойлом до губ. Я делаю резкое движение рукой, и недопитый кофе летит прямо на клофелинщицу. Она бешено вращает глазами и уносится в сторону туалета.

– *Вы ненормальная? Растяпа! Как вас на работе держат?* – вскакивает Алекс.

На его лице недовольство, как и на лице Чарли, который несётся ко мне через весь зал.

– Вот и спасай жизнь всяким козлам, дура, – бубню себе под нос, предвкушая взбучку.

Алекс замолкает, отставляет в сторону стакан с виски и уходит следом за своей дамой, а я выслушиваю до конца сменной поучительные лекции о своём поведении.

В два часа я закрываю смену, натягиваю пальто и выхожу в ночную прохладу. Кутаясь в шарф, я сворачиваю в тёмный переулок, чтобы немного срезать путь. Слышу за спиной тяжёлые шаги и ускоряюсь. Человек тоже начинает идти быстрее.

И, когда я уже чувствую его за своей спиной и успеваю мысленно попросить прощения за все свои грехи, если успела их когда-либо совершить, вдруг слышу хриплый смех.

– Эй, я, конечно, может, козёл, но не маньяк! – говорит преследователь голосом Алекса на чистом русском без акцента.

Встаю как вкопанная, и он врывается на скорости в моё тело. Разворачивает, обхватывая ладонями плечи, и смотрит прямо мне в глаза.

– Спасибо, что спасла меня, – усмехается он. – Александр.

От него исходит такой жар, что всё моё тело и внутренности плавятся от близости этого мужчины. Я краснею и улы-

баюсь ему.

– Аля, – смущённо называю своё имя, и он улыбается мне
в ответ.

2. Алекс

Я не знаю, что мной движет сейчас, когда я иду рядом с этой крохотной соотечественницей, зачем караулил её у выхода, а потом бросился догонять, на кой чёрт вызвался проводить до дома... Мне неизвестно.

Очевидно же, что она слишком молода для меня. Слишком. В лучшем случае, ей лет двадцать, хотя больше шестнадцати не дашь. Мне, конечно, тридцать пять с копейками, но... Даже десять лет разница – это полный швах. Я никогда не ввязываюсь в отношения с такими крохами.

Да и кто она? Барменша? Зарабатывает, чтобы выжить в этом дорогом городе? Скорее всего, что свалила в поисках лучшей жизни, едва окончив школу.

– Вот мы и пришли, – звенит её голос колокольчиками, врываясь в мои невесёлые мысли. – Спасибо, что проводили.

Осматриваюсь внимательнее и охреневаю.

– Стой, так ты здесь живёшь?

– Да, – она пожимает плечами, – я, между прочим, лучшая студентка на всём курсе. Не похоже, правда?

Она звонко смеётся, пробуждая во мне что-то тяжёлое и пугающее. Опасная девица. Студентка самого престижного экономического колледжа, подрабатывающая барменшей, с внешностью и улыбкой ангела.

– Да я привыкла, расслабьтесь. – она широко улыбается. –

Я скажу вам по секрету, – девушка подходит ко мне и становится на носочки, поднимаясь вплотную к моему лицу, – меня папенька сначала сюда насильно сослал, а потом удумал замуж за приятеля-старикана сбагрить, вот я и взбунтовалась. Теперь проявляю самостоятельность: живу в общежитии, работаю в баре.

Она так близко, что я могу пересчитать каждую ресничку и каждую веснушку. Я жадно ловлю её дыхание и смотрю на бархатную кожу.

– Вам, наверно, уже пора, – улыбается она. – Спасибо, что проводили.

Она собирается упорхнуть из моей жизни. И неожиданно для себя самого я ловлю её руку.

– Аля, может, оставишь мне свой номер?

Она прикусывает губу, еле сдерживая улыбку.

– В другой раз, ладно? У меня телефон разрядился, а наизусть не знаю свой здешний номер. – И только я хочу задать вопрос, как она на него отвечает: – Я работаю: вторник-среда-пятница-суббота-воскресенье. С семнадцати до двух. Приходите. Я прослежу, чтобы больше никто не покушался на вашу жизнь.

Как в замедленной съёмке наблюдаю, как её рука взмывает вверх, как её большой палец проскальзывает между пухлых губ, как она прикусывает его зубами...

– Я приду, – киваю с серьёзным видом.

Чёрт его знает, нахрена мне это надо, но приду.

Следующим вечером я занимаю то же место и улыбаюсь в ответ на вспыхнувший румянец на лице Али. Я прошу её налить виски и открываю рабочую почту, которой всё никак не находил времени заняться. Зато после вчерашнего неудачного романа без продолжения ещё чётр знает сколько моих вечеров будут беспросветно пустыми и одинокими.

– Вот, возьмите, – говорит девушка, наклоняясь ближе ко мне.

Её грудь ложится на чёрный глянец поверхности барной стойки и смотрится весьма аппетитно в вырезе голубой форменной рубашечки. В ладонях зудит от желания ощутить тяжесть упругой женской груди. Вся кровь резко ударяет в пах, и я реагирую единственно возможным естественным образом. У меня банально встаёт.

Девушка хмыкает, застав меня за разглядыванием, но не поднимается. Лишь ёрзает, придвигаясь чуть ближе.

– Берите же, ну, – шипит она. – Вообще-то, я рискую остаться без работы! Мне нельзя заигрывать с клиентами.

От несочетаемого сочетания её довольно откровенной позы и убийственного выражения на лице, которое вовсе не соответствует процессу заигрывания, я невольно смеюсь, но всё же беру из её рук вырванный в спешке лист.

– Это мой номер, – улыбается Аля и смущённо отскакивает от меня.

Какая же она очаровательная! Напускная легкомысленность маскирует серьёзный и сосредоточенный взгляд.

Обычно, девчонки, что годятся мне по возрасту в дочери, кажутся мне непроходимыми дурами. Но, как правило, они и не являются студентками престижных европейских учебных заведений.

Весь вечер она пытается игнорировать меня, пожалуй, так же, как и я её. Но правда заключается в том, что мы то и дело встречаемся взглядами. Её глаза внимательно смотрят прямо в мои. И она совершенно не смущается этого.

К такому я тоже не привык. Обычно сразу понятно, когда девчонка флиртует и кокетничает, а когда – слишком испугана, чтобы продолжить общение.

В сосредоточенных взглядах Али нет кокетства. Но и страха тоже нет.

Когда наши взгляды пересекаются в очередной раз, она уверенно сокращает расстояние между нами.

– Что? – она снова ложится грудью на барную стойку.

– Что? – усмехаюсь в ответ.

– Я контролирую, чтобы никто больше не покушался на ваш напиток.

– Я контролирую, чтобы больше никто не получил ненароком твоё особое внимание. – поддеваю её, и она краснеет.

Наконец-то! Нормальная реакция на мужчину.

– Вы мой единственный, – серьёзно отвечает она.

– Тогда, как честный человек, я просто обязан на тебе жениться, – усмехаюсь я.

– Ловлю на слове, – кивает девчонка и просто уходит даль-

ше заниматься своими делами.

Этот вечер кажется бесконечным. Аля больше не подходит на мою сторону бара, и меня обслуживает её коллега. Он кидает на меня хмурые взгляды каждый раз, когда я стреляю глазами в сторону девушки. Зачем я продолжаю это делать? Зачем я вообще здесь сижу?

Почему я отшиваю милостивую молодую женщину, которая явно не прочь скоротать ночь в моей компании?

Почему я в нетерпении бросаю взгляд на экран смартфона, отмечая, сколько времени осталось до двух ночи?

Почему, наконец, испытываю чувство облегчения, когда Аля бросает на ходу:

– Мы закрываемся. Вам пора... – неожиданно она теряет-ся. – Если вы, конечно, не меня ждёте?

– Я жду тебя, – не скрываю я.

– Ох! – она на мгновение закусывает губу. – Ясно. Я со-берусь минуты за три. Только надену пальто.

К ночи на улице похолодало. Под ногами лёд. Аля идёт рядом со мной, и, несмотря на то, что идём мы медленно, она всё равно то и дело поскользывается.

Она чуть не падает, и я подставляю ей руку. Девушка стягивает перчатку, убирает в карман, и лишь после этого вкладывает свою крохотную ручку в мою ладонь.

Место, где моя кожа соприкасается с её, зудит и покалывает. словно миллиарды тонких иголок одновременно вонзились в меня, разлетаясь по всему организму, пронзая на-

пряжённые внутренности. Что за чёрт?

Аля вскидывает на меня взгляд, полный удивления и растерянности, и я непроизвольно сжимаю крепче её руку.

– Завтра ты выходная, – констатирую я.

Не спрашиваю. Ни к чему. График её работы, произнесённый торопливым звонким голоском, набатом проигрывается в моей голове.

– Выходная, – она пожимает плечами.

– Я заеду за тобой к часу, – снова не спрашиваю.

Ставлю перед фактом. Вот мурак! Зачем?

– Я буду свободна и готова к трём, не раньше. У меня занятия.

Глаза Али выдают неуверенность. Сомневается, что успеет?..

– Значит, к трём, – киваю ей.

– Хорошо, – моментально расслабляется она.

Решила, что я потеряю интерес из-за отказа? Забавная девочка.

Забавная и неискушённая. Словно не знает, какое действие оказывает на мужчин. Два часа – незначительный срок. Я готов подождать и дольше. Потому что я хочу её.

Но с ней нельзя, как с искушёнными любовницами, к которым я привык. Нельзя сразу потащить в койку, нельзя прямо сказать, что необременительный постельный роман – всё, что меня когда-либо интересовало. И всё, что когда-либо будет интересовать.

– До завтра, – говорю ей у самых дверей общежития.

– До завтра, – глухо отзывается Аля.

Наивная, маленькая девочка, скрывающаяся за массивной дверью кампуса, ещё не знает, что попала в мой список задач первостепенной важности. А как ещё объяснить это невысказанное наваждение?

И совсем скоро я поставлю галочку и вычеркну этот пункт, чтобы двинуться дальше.

3. Аля

Около двух я покидаю аудиторию в числе первых студентов. Рядом со мной неизменно шествует моя подруга Оливия МакАлистер. Лив что-то беспечно щебечет, а я не слышу ни слова.

– Эй, Эл! Земля вызывает мисс Эл! – смеётся она. – Вижу, тебе не слишком интересно, как я сходила на вечеринку к МакАддамс?

– Прости, мисс Ливи, голова другим забита, – честно признаюсь я.

– Всё в порядке? – в голосе девушки слышится неподдельное беспокойство.

– Пока не знаю. Понимаешь, я встретила кое-кого... Мужчину. Красивого. Он старше меня. И он пригласил меня...

Ладно, фактически не приглашал. Уверена, что отказала бы ему. Или нет. От него исходит такая энергия, которой невозможно сопротивляться. А весь мой опыт общения с противоположным полом ограничивается трёхнедельными отношениями с одноклассником, которые начались внезапно, а закончились известием о болезни моей мамы. Мне было четырнадцать. Четыре года назад.

После стало не до парней. Я всеми силами хваталась за любую подработку, но так и не смогла помочь своей маме.

Потом случился богатый папенька, Лондон, пансион для благовоспитанных девиц, колледж, ссора с отцом и... Александр.

И что мне с ним делать? Я понятия не имею! Хотя сейчас вынуждена признать: я ни разу не испытала дискомфорта в его обществе. Он всячески этого не допускал, хотя разница между нами – и в возрасте, и в социальном статусе – налицо.

– *Это же здорово, Элла!* – восклицает подруга. – *А то ты постоянно одна. Решено, головокружительный роман – это то, что тебе необходимо! Ты погрязла в своей работе, Эл! Тебе нужно развеяться. Это то, что делают студентки в восемнадцать лет!*

– *Ты вообще меня слушала? Он старше меня...*

– *Это прекрасно! Опытный мужчина – наилучший вариант для лёгкого романа со всеми вытекающими последствиями!*

Я в смущении отвожу взгляд в сторону. Я никогда ни с кем не целовалась, про остальное и подавно молчу. Чем я могу заинтересовать опытного мужчину, повидавшего всякого разнообразия? Вспомнить одну ту клофелинщицу... Красивая, уверенная, умеющая себя преподнести. А у меня мысли путаются от одного его взгляда!

Подруга желает мне удачи. Мне очень нужна удача. Потому что я совсем не знаю, чего ожидать от будущего, чего ждать от предстоящей встречи и от интереса этого мужчины к моей скромной персоне.

Без пяти три мой телефон коротко вибрирует на тумбе.
«Жду тебя. Алекс».

Во рту пересыхает. Он здесь. Александр. Стоит внизу и ждёт меня. Альку. Мужчина ждёт меня, чтобы отвезти... куда? Надеюсь, не в свой номер. Потому что я уверена, что его опыта хватит сделать так, чтобы я не смогла отказать.

Мои переживания напрасны. Алекс расслабленно ожидает возле авто представительского класса, а стоит мне приблизиться, как он ныряет в салон и вручает мне две дюжины пионовидных тюльпанов нежно-розового цвета в самом обычном крафте.

– Спасибо, – смущённо улыбаюсь ему. – Мои любимые цветы...

– Угадал, – усмехается он. – Поехали?

– Куда?

– Сначала – гулять, потом – ресторан.

Он открывает и придерживает для меня дверцу, расспрашивает об учёбе всю дорогу к центру, делает это ненавязчиво и проявляет интерес, словно ему действительно хочется слушать ответы на все эти вопросы.

Он оставляет автомобиль на парковке, и дальше мы идём пешком по узким улочкам. Александр учтиво и вежливо придерживает мой локоток.

– В этом году в Лондоне просто сказочная зима, – замечаю я, когда возникает неловкая пауза. – Это мой третий новый год здесь, и впервые – снег.

– Я обычно не обращаю внимание на такие мелочи, – он пожимает плечами. – Когда пытаешься успеть всё и сразу и хватаешься за тысячу дел одновременно, как-то не до романтики. Я часто бываю в Лондоне по работе. А вот так, чтобы просто прогуляться в компании очаровательной спутницы – даже и не припомню, когда такое было.

– Отдыхать тоже нужно, – тихо говорю ему. – Вы выглядите усталым, Александр. Смею предположить, что закрытие года проходит не так, как вы рассчитывали?

Он вглядывается в мои глаза, вызывая смущение.

– Ты очень прозорлива, Аля. И ты права – сегодня я постараюсь отдохнуть. А ты мне в этом поможешь. Так что решено: ни слова о делах, работе и учёбе! Расскажи-ка мне о своих любимых местах в Лондоне или пригороде.

От этого вопроса я смущаюсь ещё больше. Как-то стыдно признавать, что я толком нигде и не бывала. Сначала училась в закрытой школе, а в колледже не успела насладиться свободной жизнью лондонской студентки... Ведь слишком быстро отец решил меня выдать замуж!

– Мы это исправим, – понимает всё без лишних слов мужчина. – Ты влюбишься, Аля. В этот город невозможно не влюбиться!

Кажется, влюблюсь я не только в город, но и в этого странного мужчину тоже. Моё сердце и так предательски замирает рядом с ним. Как мало мне надо! Немного внимания, и я растекаюсь как подтаявший пломбир.

– Я действительно мало, что видела. Когда выпадала возможность, я просто гуляла вот так, по улицам, разглядывая дома. Мне нравится, как здесь всё устроено: почти нигде нет номеров, только названия. Мне встречались разные, но больше всего запомнились «Дом сов», «Долина голубей», «Коттедж незабудок», «Поместье фиалок», «Кошачий замок», – я беззаботно смеюсь. – «Одинокая луна», «Пески времени»... Как вы понимаете, я могу перечислять до бесконечности! Это невероятно нравится мне. Близко по духу. Я даже подумываю в будущем приобрести небольшой домик, непременно, на берегу. И я обязательно дам ему имя!

– Дом тюльпанов? – спрашивает с улыбкой мужчина.

– Не знаю... Жизнь покажет.

– Выбор имени для дома – это очень важно. Это же на всю жизнь. Здесь даже в реестры и на карты наносят эти названия.

– Я не планирую оставаться жить в Лондоне, – выскакивает из моего глупого рта. – Я вернусь в Москву. У меня есть квартира, оставшаяся от матери... Мне не хватает родного языка, я никогда не буду здесь своей.

– Типичный синдром иммигранта, – усмехается Алекс. – Когда я впервые оказался в длительной командировке за границей, думал, взвою. Иногда казалось, что я даже думать научился на русском языке!

– Мне тяжело даётся жизнь здесь, – со вздохом признаюсь я. – Я очень тяжело схожусь с людьми. Когда моя мама забо-

лела, те немногочисленные друзья, что у меня имелись, отвернулись от меня. Беззаботность и лёгкость – вот, что интересовало их. Потом, конечно, некоторые смогли признать, что были не правы, но тогда... я осталась одна. Бралась за любую работу. А потом я узнала, что мой отец всё это время знал о моём существовании и просто позволил этому произойти!.. – Я резко торможу. – Господи, что я несу! Простите. Моё нытьё – это последнее, что может быть вам интересно!

– Мне интересно, – заверяет Александр. – Я хочу узнать тебя поближе.

Я сомневаюсь, что его слова не знак чистой вежливости. Словно в реальном мире существуют бизнесмены за тридцать, которых интересуют нехитрые проблемы вчерашних школьников!

Мы возобновляем движение, но теперь между нами снова повисает тишина.

– А как тебе такое? – усмехается Алекс и показывает на очередную табличку с названием дома.

– «Хижина несбывшихся желаний», – горло перехватывает спазм, – это ужасно! Представляю, как одинок этот человек! Что же должно было произойти в его жизни, что он излил всю свою боль в это мрачное домовое имя?

– Моей первой мыслью было, что тут живёт нытик по жизни.

– Вы слишком циничны, Александр. Нельзя быть столь

категоричным, не зная, какая кроется история на самом деле. Я уверена, что только человек, полный грусти и боли, может так назвать свой дом.

Мои слова вызывают снисходительную улыбку на лице собеседника.

– Ты восхитительная девушка, Аля. Такая добрая, воздушная. Как фарфоровая кукла в пышном платье. У моей матери была одна такая. Раритетная. Я мог смотреть на неё часами...

– А потом? – шёпотом спрашиваю я. – Что с ней случилось потом?

– Она разбилась, – жёстко отрезает он и тянет меня следовать дальше.

Я уже жалею, что согласилась на эту странную встречу. Понятно, что он и сам пожалел сто раз. Я продумываю благовидный предлог, чтобы улизнуть от него, но неожиданно мы выходим к Тауэрскому катку.

– Надеюсь, ты умеешь кататься? – хрипло спрашивает мужчина. – Потому что мои представления о романтическом свидании в зимнем Лондоне ограничились только этим.

Очевидно, он легко распознаёт в моём взгляде шок, панику и дикий ужас, заливаясь смехом и тянет меня на себя.

– Я научу тебя, – говорит мне в лицо. – Я научу тебя всему, маленькая Аля.

Его взгляд скользит по моему лицу. Прямо на мои губы. Которые мне почему-то нестерпимо хочется облизать. Что я

и делаю. Его глаза темнеют. От этого маленького действия хватка его рук на моём теле становится сильнее, пока совсем не исчезает.

– Я буду держать тебя, – говорит он, шнуруя мои коньки.

– Только не отпускайте, – прошу я. – Я разобьюсь...

– Не разобьёшься, – усмехается он. – Я не отпущу тебя.

Александр поднимает на меня свой взгляд. Тёмный, кричащий, манящий.

– Не отпущу, Аля. – припечатывает он и помогает мне встать. – Теперь не отпущу.

4. Алекс

Тонкие пальцы до побеления впиваются в мою руку. Чёрт, она, выходит, не шутила, когда заявила, что ни разу в жизни не стояла на льду! Она так кокетливо строила глазки, что я даже и помыслить не мог, что она всерьёз.

Но она всерьёз. Скованна от ужаса происходящего, крепко вцепилась в мою руку и отказывается сделать даже крохотный шагок. Но постепенно мне удаётся уговорить её, взять на слабо.

– Я пойду на это, только если вы предоставите мне право выбора ресторана для ужина, – заявляет эта заноза. – Иначе с места не сдвинусь!

– Ладно, – усмехаюсь ей. – Поехали.

Не то чтобы мне было принципиально важно отвести её именно в тот ресторан, где я уже забронировал столик, но я хотел поразить девушку. К тому же я уверен, что будет по моему. Я умею добиваться своих целей, и, если я хочу отвести её в намеченный ресторан сегодня вечером, я сделаю это, даже если придётся тащить её силой.

Я обхватываю девчонку за талию и везу. Она совсем мне не помогает, только стоит на твёрдых негнущихся ногах и цепляется своими пальцами за мои руки.

– Кажется, моё сердце сейчас разорвёт от страха! – кричит она.

– Это адреналин, малышка! Тебе понравится, – смеюсь я.

Рядом с ней улыбка не сходит с моего лица. Не может быть другой реакции на эту бесхитростную девочку Алю. Иногда мне кажется, что она отлично играет эту роль: ну невозможно, просто невозможно, имея такую сногшибательную внешность, быть абсолютным профаном во флирте! Подобно Станиславскому, хочется крикнуть: «Не верю!» Особенно, когда она хлопает своими пушистыми ресницами и нахально облизывает губы.

Разве что у неё это врождённое?

Иначе почему меня так тянет к ней, почему я ведусь на разыгранный, якобы неумелый, флирт?

Призадумавшись, я не замечаю внушительный скол на льду и лечу на спину, утягивая девушку за собой. Кажется, она что-то говорит мне, но за своим смехом я ничего не могу разобрать. И тогда она разворачивается в моих руках и нависает надо мной:

– В такой ситуации вы могли бы и отпустить меня, – улыбается она, а мне вдруг становится не до смеха.

Я кладу руки на её спину и заставляю опуститься ниже.

– Я же обещал, что не отпущу тебя, Аля, – говорю ей в самые губы, прежде чем сократить расстояние и поцеловать девушку.

От неожиданности она приоткрывает губы и пропускает меня в свой рот. Сладкая, горячая, мокрая. Абсолютно неумелая! Это я понимаю с самых первых секунд. И зверь

во мне бунтует и требует прямо сейчас утащить её в нашу берлогу.

Усилим воли я заставляю себя оборвать поцелуй. Пытаюсь прийти в себя, отдышаться, вернуть на место сбивающееся сердце. А девчонка прячет от меня свой взгляд.

– Аль, ты как? Не ушиблась?

– Зачем вы сделали это? – тихо шепчет она.

– Потому что хотел. Потому что это нормально – поцеловать красивую девушку, которую ты позвал на свидание.

– Вы считаете, что я красивая? – она решительно смотрит на меня.

– Конечно, Аля. Ты очень красивая девушка. Зачем, по-твоему, я позвал тебя на свидание?

– Зачем?

– Ты мне нравишься, Аля. И я считаю, это нормально – поцеловать девушку, которая тебе нравится, на вашем свидании. – я усмехаюсь. – Тем более, когда ты забронировал для неё столик в ресторане с красивым видом на Тауэрский мост.

– Боюсь, что у этой красивой девушки не хватит денег, чтобы оплатить половину счёта, – мягко улыбается она. – И уверена, что она вынуждена будет умолять вас всё-таки согласиться на её условия.

– Боюсь, что мне плевать на её финансовые возможности, потому что я не сторонник идей о равноправии, – я встаю на ноги и помогаю подняться ей. – Мне больше импониру-

ет идеология патриархата. Классика, проверенная годами и поколениями. И я не потребу у тебя сегодня ничего, кроме ужина, не переживай на этот счёт.

Аля краснеет и закусывает губу. Мне чертовски хочется поцеловать её, но она настолько смущена происходящим, что я вынужден сдерживаться.

Зря я это затеял. Ох, зря! Хотел женщину, нужно было просто и необременительно снять кого-нибудь, а не страдать ерундой в компании студентки.

Она слишком невинна. Неопытна. Такие мечтают о любви с большой буквы, а не о женатом папике, который не собирается ничего менять. Она очень хорошенькая, и я хочу её. Пусть сильнее, чем когда-либо раньше хотел кого-либо, пусть меня влечёт к ней, как магнитом притягивает, как мёдом намазано, но это же несерьёзно.

Покуролесим немного и разбежимся. И я сделаю так, чтобы все остались в плюсе.

В лепёшку расшибусь, но сделаю.

– Хорошо, – кивает она. – Будь по вашему. Но, учтите, в следующий раз, если вы решите меня куда-то пригласить, я буду выбирать, где мы будем трапезничать.

– Учёл, – усмехаюсь ей. – Можешь выбрать, где мы завтра пообедаем перед твоей работой.

– Вы всегда такой? – с обидой спрашивает девчонка.

– Да, – отмахиваюсь я. – Привыкай. Я всегда получаю, что хочу, и не особо спрашиваю на то позволения.

– Я заметила, – она серьёзно раздумывает над моими словами. – И что же вы делаете потом? Когда получаете желаемое?

Теряю интерес, конечно. Но ей об этом знать совсем не обязательно.

– Поехали в ресторан, малышка, – я беру её за руку, – тебе понравится.

В тёплом свете просторного холла Аля смущённо расстёгивает крупные пуговицы своего пальто и только потом разматывает объёмный шарф. Я помогаю ей раздеться и окидываю взглядом точёную фигурку девушки. Вещи на ней из масс-маркета, но я уверен, что никому не пришло бы в голову даже попытаться этим её унижить или оскорбить. В мешке или лохмотьях она и то смотрелась бы богиней.

– Извините, я не думала, что мы будем проводить время в таком дорогом месте, – испуганно шепчет девушка.

Она краснеет за свою непрезентабельную внешность и простецкие шмотки. Забавным образом меня коробит от осознания этого факта.

– Не говори ерунды! Ты самая прекрасная гостья этого заведения, – говорю, вызывая сдержанную улыбку на её лице.

Аля незаметно расправляет плечи, робко осматривается по сторонам, а я уверенно подхватываю её руку, всем видом показывая ей – и окружающим – как я рад и горд быть рядом с ней.

И я действительно рад. И горд. Со мной такая краси-

ца! Молодая, умная, ухоженная. И моя. В самом ближайшем обозримом будущем. Лучшего сочетания и придумать сложно.

С усмешкой наблюдаю за взглядами других самцов, направленными на эту ничего не подозревающую крошку. И ведь действительно вижу – не играет. Беспечно глядит на меня своими огромными удивлёнными глазами и не обращает внимание ни на что другое.

Смотрит прямо как на знаменитость, но скромно прячет глаза, стоит только мне начать улыбаться ей. И тут же сама не выдерживает, снова смотрит в окно, прямо на Тауэрский мост, и переводит взгляд на меня.

– Вы были правы – здесь абсолютно захватывающий, невероятно потрясающий вид! – улыбается мне девушка, делая крохотный глоток вина.

– Я рад, что смог тебе угодить.

– Ну что вы, не стоило. Ужин здесь влетит в копеечку, я погуглила.

Мне смешно, но отчего-то совсем не весело.

– Не думай об этом. Этот вечер только для нашего удовольствия. Оставь заботы и наслаждайся, Аля. Или тебе неприятно находиться в моём обществе?

– Вы очень интересный мужчина и отличный собеседник, – бесхитростно говорит она. – Ой, вы только не подумайте, что я говорю это из-за денег. Мне здесь, конечно, очень нравится, но и простой прогулки по городу было бы

вполне достаточно. Я не хожу на свидания, поэтому и не знаю, что положено делать в таких случаях, приняла бы с радостью всё, что вы бы мне предложили.

– Как это: у такой красавицы и нет воздыхателя? – с лёгким прищуром уточняю у неё.

Вот снова! Только я решил, что она не играет со мной, как тут же звучит невозможное заявление. Как такое может быть в современном обществе, чтобы современная девушка, явно не страдающая всякими фанатичными религиозными убеждениями и прочей чушью, живущая одна, без родительского надзора, не бегала на свидания?..

– Воздыхатели есть, – скромно улыбается она. – Времени нет. Никто не выдержал моего рабочего графика, не смог конкурировать с учёбой, не дожил до первой встречи... Ретировались, едва запахло сложностями ожидания.

– Слабаки, – усмехаюсь я уже спокойнее.

Девчонка недурна. И по-своему мудра: терять время на кого-то, кто не готов терять ради тебя своё, неблагодарное занятие.

Я вот готов.

– Во сколько завтра заехать? – спрашиваю у Али.

– Заехать? – она удивлённо вскидывает брови.

– Обед, – терпеливо напоминаю. – Ты и я. Вместе. За обедом. Между твоей учёбой и работой. Я могу выкроить в своём графике время на нашу встречу. Во сколько, Аля?

– К половине третьего я буду ждать вас, – быстро говорит

она. – Не забудьте, я выбираю ресторан.

– Сложно забыть, когда ты так воинственно настроена, – смеюсь, и она вспыхивает. – Ладно, малышка. Выбирай на свой вкус, только, пожалуйста, не смотри на ценник. Я не планирую обедать фастфудом, как и не позволю платить тебе по счёту.

Аля тушует. Прячет от меня свой взгляд. Я понимаю, что как-то обидел её своими словами, но хоть убей не понимаю, в чём дело. Не привык я выверять слова, думать о чужих чувствах. В моей жизни всё просто – я вываливаю сразу весь расклад, честно и правдиво. И не теряю времени на тех, кого это не устраивает.

Но, видимо, в жизни каждого добропорядочного и честного бизнесмена однажды случается своя Аля.

– Я сказал что-то не то? – спрашиваю прямо.

– Я не ем фастфуд. Ну, точнее, ем, но очень редко. Вы сказали, чтобы я выбрала на свой вкус, но не фастфуд. По-вашему, студенты только так и питаются?

– Я так не считаю, – смеюсь я. – Аля, милая девочка, я лишь обозначил вводные данные: что завтра я не хочу питаться фастфудом и что я плачу за обед. Я не вижу ничего зазорного в бургерах или пицце, но, увы, с возрастом я уже не могу себе часто позволять такое питание.

– И почему мне постоянно кажется, что мы с вами с разным планет? – задумчиво протягивает она.

– Мужчины с Марса, женщины с Венеры, – я накрываю

её руку своей. – Не принимай на свой счёт. Я бываю грубым и прямолинейным, потому что я такой и есть, но я никоим образом не хочу тебя обидеть. Нам нужно немного времени, и мы научимся понимать и принимать друг друга такими, какие мы есть.

– Времени, которого, как нам обоим известно, у меня практически свободного и нет. – осторожно улыбается она.

– Поверь, то, что ты не только учишься, но и работаешь, необычайно ценно для меня. Ты умеешь с трепетом относиться не только к своему, но и к чужому времени. Я не могу игнорировать сей простой факт. И не стану скрывать, как меня это восхищает. Ты умна не по годам. Но, пожалуйста, не пытайся примерить на меня несуществующий костюм. Меня не пугает твоя занятость, я и сам очень занятой человек. И это никоим образом не повлияет на качество и количество нашего общения.

Сам я невольно думаю о том, как мне жаль, что целых пять вечеров в неделю выпадают из графика наших встреч. Я бы нашёл им более достойное применение.

5. Аля

На моей кровати лежит целая гора одежды. Пока я сушу волосы феном, пытаюсь нарисовать стрелку на левом веке, чтобы хоть приблизительно была похожа на ту, что идеально получилась на правом, я критически осматриваю вещи.

На сборы у меня осталось всего минут двадцать, а я никак не могу решить, что надеть в поездку. В пунктуальности Александра я не сомневаюсь. Если он сказал, что заедет за мной в три, значит, так и будет. И если он отказался говорить, куда повезёт меня, потому что это сюрприз, значит, мне нужно просто принять это.

После нашего первого свидания, после невероятного ужина в том чудесном ресторане с захватывающим видом, Александр предложил мне прогуляться. Мы стояли над Темзой, на смотровой площадке Тауэрского моста, наслаждаясь огнями ночного Лондона. Алекс держал меня в кольце рук, когда вдруг достал из кармана две монетки.

– Хочешь загадать желание? – шепнул он мне на ухо.

От его горячего дыхания по коже расплзлись миллиарды мурашек, а сердце в груди затрепыхало.

Я молча приняла монетку, задумалась на мгновение, а потом подкинула её вверх. Поблёскивая в свете новогодней иллюминации, она прокрутилась в воздухе и полетела в тёмные ледяные недра воды.

Я заворожённо смотрела ей вслед некоторое время, пока следом не отправилась ещё одна, Алекса.

– Что загадала? – мужчина аккуратно развернул меня к себе.

Я покраснела, но всеми силами удерживала его взгляд.

– Не скажу, а то не сбудется.

Он притянул меня к себе и накрыл мои губы своими. Лёгкий поцелуй пьянил больше вина. Бережный, мягкий, неторопливый, словно Алекс изучал меня своим ртом, а я отдавалась в его власть. Все мои страхи рассеивались под его напором. Казалось, его вообще не беспокоила моя неопытность.

Александр плавно отстранился, скользнув губами через уголок моих губ, пробежался по скуле и остановился у виска.

– Сбудется, – уверенно заявил он. – Моё уже.

Мой мир, потерявший краски после смерти мамы, вдруг снова расцвёл. В предновогодней суете, посреди шумной толпы людей в моей душе, вспыхнув нежными соцветиями и проклюнувшейся сочной зеленью, пробудилась весна.

Я осторожно улыбнулась мужчине.

Пожалуйста, пусть всё это будет по-настоящему... – загаданное желание невольно пронеслось в моих мыслях.

– Сбудется, – снова повторил Алекс, – обязательно. Не сомневайся.

Наш вечер окончился поздней ночью, когда он привёз меня обратно к общежитию и проводил до самых дверей, подарив на прощание ещё один нежный поцелуй.

Следующие два дня мы обедали вместе, а вечерами Александр приходил в мой бар, цедил виски и дожидался окончания моей рабочей смены, чтобы проводить до кампуса.

Сегодня, в мой выходной, мы снова проведём время вместе. И я совсем не знаю, где. Всё, что мне известно: мы поедem в пригород и вернёмся только глубокой ночью.

Чудом мне удаётся взять себя в руки и перестать трястись. И даже собраться к тому моменту, как экран телефона загорается от входящего сообщения.

«Жду тебя. Алекс».

Торопливо выхожу из комнаты, сбегая по лестнице... прямо в его объятия. В самое лучшее место во всём мире! Он смеётся, привычно смыкает руки на моей талии, с лёгкостью отрывает меня от земли и целует. А я забрасываю свои руки ему на плечи и запускаю пальцы в его волосы.

От этого сладкого поцелуя моё сердце пускается в пляс, а душа парит где-то за пределами моего тела. Какое же прекрасное чувство! Счастье наполняет меня от кончиков пальцев на ногах до самой макушки. Я переполнена счастьем!

– Как прошли занятия? – первым делом интересуется Александр.

– Успешно, – смеюсь я. – Разве ты сомневаешься в моих способностях?

– Нет, малышка. Ты одна из немногих людей, в ком я никогда не подумал бы усомниться. Готова?

– Да.

Что бы это ни было, я готова. Рядом с ним я готова ко всему.

Около пяти мы врываемся в небольшой прибрежный городок Дувр вместе с вечерними сумерками. Пронизывающий ветер с пролива – самое первое моё впечатление от этой вылазки. Но совсем скоро я замираю от восторга. Ровно в тот момент, когда мой спутник с кривоватой улыбкой разворачивает меня за плечи и я вижу возвышающиеся над городом монументальные белые скалы.

Этот вечер удивителен. Алекс крепко держит мою руку, пока мы гуляем. Он рассказывает мне истории о своём детстве и много смеётся. А я с замиранием сердца смотрю на эту картину: как преображается его лицо, как в уголках его глаз скапливаются лучики морщин, как его глаза загораются при каждом взгляде в мою сторону.

Мы ужинаем в пабе у подножия замка. Едим местную рыбу, я пробую вкуснейший эль, а Александр выбирает воду. Всё же нам предстоит двухчасовой путь до Лондона.

– Что планируешь на завтра? – неожиданно спрашивает он.

– Отработаю смену и вернусь в общежитие, – отвечаю с неуверенной улыбкой.

Мне не хватает смелости задать ему тот же вопрос.

– До скольких ты работаешь?

– До половины одиннадцатого.

– Хорошо.

Он ничего не предлагает, он ничего мне не обещает, но я испытываю незнакомое неприятное чувство разочарования, когда он в своей манере не говорит мне, что заберёт меня и скрасит моё одиночество в новогоднюю ночь.

На обратном пути в город Алекс интересуется, понравился ли мне этот маленький городок, и хмурится, слушая мой сбивчивый ответ.

– Аль, ты устала? – помолчав, спрашивает у меня.

– Нет, – я качаю головой, – вовсе нет.

– Тогда что случилось? – мужчина мельком смотрит на меня.

Я рада, что сейчас мы едем в абсолютной темноте. Изредка за окном мелькают огни домов или придорожных кафе, встречающихся на трассе заправок. И тусклый свет фонарей.

Он ничего не может прочитать по моему лицу. Не может увидеть ответы в моих глазах.

– Всё в порядке, правда. – как можно спокойнее заверяю его. – Видимо, не только у тебя выдался трудным конец года. Я предвкушаю самые длительные выходные за последнее время, поэтому уже в расслабленном состоянии.

– Длительные?

– Целых четыре дня, представляешь?

Изо всех сил стараюсь сохранить дрожащий голос ровным, с напускной весёлостью. В другой ситуации я бы улетела в Москву. Если бы я всерьёз не опасалась, что отец выдаст меня замуж против воли. Если бы не рассчитывала, что

Александр всё-таки предложит провести это время вместе.

Но он молчит.

Он не говорит, когда мы встретимся снова. Даже на прощание. А мне, конечно, не хватает решительности задать ему этот вопрос.

Вечер следующего дня я еле выдерживаю. Расшатанные нервы, взвинченные до предела, лишь усугубляют чувство жалости к себе.

Я вглядываюсь в лица посетителей, в надежде увидеть то одно, которое жажду увидеть. Но не нахожу его в толпе.

Заказываю такси под самое закрытие смены. Жду до последнего, а потом понимаю всю бессмысленность и еду в общежитие.

Когда часы отсчитывают последние минуты уходящего года, я захожусь в рыданиях. Ни один человек в целом мире не представляет, насколько я одинока. Подавлена. Растоптана.

Одна. Одна. Одна.

Какая несправедливость! Никому в целом мире нет до меня дела.

Я даже не подхожу к окну, чтобы увидеть зарево фейерверка. Смотрю на телефон немигающим взглядом, а потом решительно беру его в руки.

Хлюпаю носом, кутаясь в одеяло, и сгоняю слёзы.

«С Новым годом!» – пишу ему.

Сообщение прочитано, но ответа не следует.

Мне остаётся только пожалеть себя. Никому, никому не

нужна!

И ему не нужна... – проносится в голове.

Слёзы упрямо падают, падают, падают. Чего я жду, вглядываясь в чёрное зеркало экрана? Глупая, жалкая и...

«С Новым годом, Аля.»

И спустя целую вечность, длящуюся всего одно крошечное мгновение:

«Я внизу. Спускайся. Жду тебя. Алекс.»

6. Аля

Проходит несколько минут, а я всё смотрю на это сообщение. Экран темнеет, пока совсем не гаснет, и я медленно утираю лицо от слёз.

«Ты спишь?» – читаю следующее, но тут же телефон ожи-
вает от входящего звонка.

– Привет, – тихо говорю в трубку.

– Аль, я не спрашивал... – в голосе мужчины слышится неуверенность. – Ты уехала куда-то?

– Нет, я в своей комнате. Дашь мне пять минут на сборы?
Я уже легла.

– Конечно, я буду ждать столько, сколько нужно. Не то-
ропись. И, Аль, – он шумно выдыхает. – Я забираю тебя на
все выходные. Возможно, ты захочешь взять что-нибудь из
вещей, только поэтому предупреждаю тебя сразу.

– Это очень мило с твоей стороны, – выдавливаю через
силу. – Спасибо, Алекс.

Мои мысли хаотично разбегаются в разные стороны. Я в
панике, потому что ещё никогда ранее я не проводила свои
выходные – несколько дней и ночей – где бы то ни было
с мужчиной. С подругами мы устраивали ночёвки, но там
никогда не присутствовали парни. Я слишком уверена, что
Александр сейчас вот просто прямо говорит, *что* мы будем
делать все эти дни и ночи, оставшись наедине там, куда он

меня планирует забрать. На все выходные.

– Аль, я не маньяк, – задумавшись, я забываю, что мы всё ещё разговариваем по телефону, – не собираюсь тебя убивать и насиловать. И я обещаю, что мы не пойдём дальше, если ты к этому не готова.

– Хорошо, – выдыхаю я. – Скоро выйду.

– Жду тебя.

Он отключается, а мне требуется минутка, чтобы успокоиться. От страха или от томительного ожидания моё сердце стучит с оглушающим звоном. Мечется в груди, как маленькая встрёпанная пташка.

Я знаю, к чему ведут наши странные отношения. Мы вроде бы вместе, хотя Алекс не предлагал мне встречаться, а я не отвечала согласием, так или иначе, мы пересекаемся каждый день, каждое моё утро начинается с его сообщения, и им же оканчивается каждый день. Алекс находит в своём рабочем графике пару минут, чтобы справиться обо мне.

Полагаю, так он проявляет интерес. Показывает, что я ему не безразлична. И я знаю, что скоро, возможно, прямо на этих выходных, он так же прямо скажет, что хочет продвигаться дальше поцелуев. Ну потому что это нормально для мужчины за тридцать. Да и для кого угодно. Только не для меня.

Я не держусь за своё целомудрие. Я не из тех девушек, кто горделиво вставляет этот факт в любом разговоре или на самом деле верит, что случается такая любовь, чтобы один

раз и на всю жизнь.

Я не романтизирую по этому поводу. Напротив, мне неловко и досадно за собственную неопытность, за вероятные последствия первого раза: боль, кровь, зажатость, слёзы и кто его знает, что ещё.

Большинство знакомых мне девчонок лишились невинности в старшей школе. В другой жизни я бы поступила также и сейчас бы не тряслась, как осиновый лист.

Но Александр ждёт меня внизу независимо от моих страхов.

Я хватаю вещи почти не глядя. Пара сменных комплектов белья. Тёплые носки и свитер. Леггинсы. Пижама с короткими шортиками. Две футболки. Щётка. Паста. Крем. Расчёска.

Быстрый взгляд в зеркало. С заплаканным лицом мне ничего не удалось сделать. Надеюсь, что мужчина не станет приглядываться, хотя кого я обманываю? Именно это он и делает при каждой нашей встрече: первым делом внимательно всматривается в моё лицо.

Как сейчас. Хмурится так, что между бровей пролегает морщина, но никак не комментирует то, что видит.

Тянет на себя ручку дорожной сумки.

– С Новым годом? – скорее спрашивает.

С изрядной долей неуверенности, что совсем ему несвойственно. Он не распространяется на этот счёт, но я знаю, что в его бизнесе сейчас не всё гладко.

– С Новым годом, Алекс, – улыбаюсь ему. – Пусть в этом году удача и успех сопутствуют всем твоим делам.

– Спасибо, малышка. – мужчина улыбается с благодарностью. – И я желаю тебе счастья в новом году.

Он целует меня, держа в своих руках так бережно, словно я могу рассыпаться, и я чувствую, как его тело ослабляет напряжение рядом с моим.

– Прости, что не забрал тебя раньше. Я очень хотел, чтобы мы встретили Новый год вместе, готовил тебе сюрприз, но меня задержали вопросы, не терпящие отлагательств. Зато теперь мы сможем провести время так, как я запланировал. Ты и я. Вместе. Четыре дня.

– Здорово, – говорю на выдохе и теряюсь в своей неуверенности.

Он разочаруется во мне! Непременно разочаруется. Не может быть иначе, когда такой взрослый и самоуверенный красавчик поймёт, как много я не могу ему дать.

– Ты боишься, Аля? Не бойся. Мы просто проведём время вместе. Я не стану настаивать на том, к чему ты не готова перейти. Пока не стану.

Он сводит всё к шутке, и я наконец расслабляюсь.

По дороге я засыпаю. А просыпаюсь от осторожного прикосновения – Алекс проводит костяшками пальцев по моей скуле.

– Просыпайся, красавица. Мы приехали.

Я медленно осматриваюсь. Автомобиль стоит у неболь-

шого дома на первой береговой линии. Через дорогу – широкий песчаный пляж, волны шумно разбиваются о землю, пенятся и исчезают на чёрном непроглядном горизонте.

– Завтра мы прогуляемся, Аля. – тихо говорит мне мужчина. – А сейчас пойдём в дом.

Я стою в темноте перед панорамным окном с видом на большую воду, обхватывая себя руками. Вздрагиваю, когда Алекс притягивает меня к себе, целует изгиб шеи, упирается подбородком в плечо. Смотрит прямо в мои глаза через отражение в стекле. Я настолько напряжена, что внутри меня всё звенит и сотрясается.

– Аля, девочка моя маленькая, – проникновенно шепчет Алекс, – не бойся, я прошу тебя. Не бойся меня, малышка. Я не сделаю ничего против твоей воли.

Его руки ложатся на мою талию и уверенным движением разворачивают меня таким образом, что мы оказываемся лицом к лицу.

– Один поцелуй? – предлагает он. – И спать?

Киваю ему и улыбаюсь. Не хочу показывать, как меня на самом деле беспокоит пребывание здесь, в этом доме, наедине с ним.

Сантиметры между нами стремительно сокращаются, и вскоре я захлёбываюсь в торопливых поцелуях. Мне не хватает вдохов, а выдохи жадно глотает Александр. Его руки гладят мою спину, ложатся на бёдра, и он притягивает меня ближе, показывая всю степень своего возбуждения. Низ мо-

его живота упирается в его твёрдость. И он издаёт какой-то глухой звук. То ли рык, то ли стон. И тут же отстраняется от меня.

– Если мы не планируем переместиться в одну из спален, то вынужден прерваться.

– А мы не планируем? – с неясным разочарованием переспрашиваю я.

– Как ты помнишь, мы планируем делать только то, чего захочешь ты. – спокойно поясняет мужчина. – Если ты хочешь, чтобы я отвёл тебя в спальню, где мы могли бы продолжить... Но ты же не хочешь. И это нормально. Я всё понимаю.

Он так ласково смотрит на меня с мягкой улыбкой, что в моих глазах скапливаются слёзы. Алекс притягивает меня к своей груди, и я шумно вдыхаю аромат его тела.

– Не расстраивайся, пожалуйста.

– Я не расстраиваюсь. Наоборот, – я поднимаю на него взгляд, – я очень благодарна тебе за понимание. Я не могу так сразу...

– Всё хорошо.

Он берёт меня за руку и отводит на второй этаж, в уютную комнату с большой кроватью.

– Ты будешь спать здесь, – кивает Александр. – Я – в комнате напротив. Будет страшно, прибегай, малышка. Буду счастлив спасти тебя и спрятать под своим одеялом.

Он смеётся, вызывая на моём лице глупую улыбку.

– Спокойной ночи, Аля.

– Спокойной ночи, Алекс.

Ближе к полудню я с трудом разлепляю веки. Виновником моего состояния стал, конечно, Александр. Уютно устроившись в центре большой кровати, я шепнула себе под нос: «Сплю на новом месте, приснись жених невесте». И он приснился, да. В смысле, Алекс мне приснился. Целующий меня. Везде. Я была абсолютно обнажена, и его губы скользили от моего лица вниз по телу.

Когда он жарко выдохнул на мою чувствительную плоть, я широко распахнула глаза, резко просыпаясь. Сердце в груди выстукивало сверхвысокочастотный ритм, бёдра заходились в безумном желании получить облегчение от удивительного напряжения, которого я никогда раньше не испытывала, и я свела ноги вместе, сжала их крепко, пытаюсь найти успокоение этому вспыхнувшему желанию.

К завтраку я выхожу в глухом свитере, леггинсах и шерстяных носках. По уютной кухне расплзается аромат жареного бекона, яиц и кофе. А Алекс стоит у плиты в одних спортивных штанах, сидящих так низко, что я вижу резинку трусов, исписанную самым популярным сочетанием букв. От резких движений руки, в которой он держит ярко-жёлтую лопатку, на его широкой спине перекачиваются литые мышцы.

– Обалдеть! – шумно выпаливаю я, сглатывая вязкую слюну.

– Доброе утро, малышка. Садись скорее за стол, я накладываю завтрак.

Он приближается ко мне с дымящейся тарелкой, а я не могу отвести взгляда от дорожки жёстких чёрных волосков, сбегających от пупка вниз и исчезающих прямо под пресловутой резинкой.

– Успела оценить вид? – с усмешкой интересуется Александр.

– Да, ты выглядишь просто потрясно, – ошалело бросаю ему.

Он непонимающе смотрит на меня, но тут же взрывается от хохота.

– Спасибо, малышка! Но вообще-то я про вид из окон.

Боже! Боже! Боже! Как неловко! Я краснею и закрываю лицо ладонями.

Мужчина садится на корточки рядом со мной и тяжело вздыхает.

– Давай договоримся, Аль? Ты можешь говорить мне всё, что угодно, и не краснеть за свои мысли. Мне приятна твоя случайная похвала. Значит, я трачу своё время в спортзале не просто так.

Он отрывает мои руки от лица и кладёт себе на грудь. Под пальцами я чувствую жар его тела, биение его сердца, каждый вдох и выдох.

– Ты невероятно красивая девушка, Аля. Ты очень сильно мне нравишься. – он заглядывает в мои глаза. – И я рад, что

могу рассчитывать на взаимную симпатию.

– Ты мне нравишься, Алекс, – шепчу ему. – Очень-очень сильно. Кажется, я даже немного влюблена в тебя.

7. Алекс

Наблюдаю за худосочной фигуркой, которая семенит по пирсу, и испытываю полярно разные эмоции.

Затаённое опасение, граничащее с тревогой, – потому что она смело идёт к самому краю, туда, где тёмные воды пролива Па-де-Кале Северного моря разбиваются высокими волнами о прогнившее дерево.

Незнакомый трепетный восторг – от того, что я – я! – могу держать её за руку, могу обхватить её талию, по-свойски положив на неё свои ладони, могу её поцеловать. Примерные чувства я испытывал в детстве, получив долгожданный и желанный подарок, или в самом начале своей карьеры – достигая желаемых результатов. Примерные, но не те же. Потому что не получил пока главный приз. Не подчинил это восхитительное тело своей власти.

Видимо, именно отсюда и следует третья обуревающая меня оглушительная эмоция – неудовлетворённость. Мой эмоциональный шторм сопровождается жёстким физическим дискомфортом от постоянного стояка, звенящей от тяжести мошонки и грёбанной аритмии. Сердце работает на износ, чего я не замечал раньше даже при самых тяжёлых кардиотренировках, давление шумит в голове, а от частоты пульса, я уверен, можно подзаряжать телефон.

Из этого неудовлетворительного состояния берёт своё на-

чало совершенно новое чувство – терпеливое ожидание. Чёрт его знает, что за фигня происходит в моей голове, но я вдруг понял, что единственно важное значение для меня имеет только то, чтобы Аля стала моей потому, что действительно этого хочет, а не по каким-либо иным причинам. И, кажется, я в самом деле планирую придерживаться этого плана!

Хотя воздержание вовсе не моя тема, я терпеливо жду, когда она примет взвешенное решение. И играю на этом поле практически честно. Свои хождения вокруг неё я воспринимаю не иначе, чем распусканием хвоста перед самкой в брачный период, что тоже выбивается из норм моего типичного поведения. Сперва – договорённости, после – койка. Так было всегда.

Но не могу я, просто не могу сказать ей ту правду, которая у меня есть. Хоть молчание и подводит под большой грех, я надеюсь, что мне удастся избежать той ситуации, в которой она узнает эту самую правду. По крайней мере, узнает не в ближайшее время.

А эта самая правда неожиданно повисает тяжёлым ярмом на моей шее и тянет вниз, чего я тоже никогда ранее не замечал за собой.

Мой телефон гудит в кармане пальто, но я игнорирую звонок. Сейчас я слишком увлечён своим зрелищем, чтобы оторваться от созерцания худосочной фигуры, стоящей в считанных сантиметрах от края пирса над толщей ледяной воды.

Но телефон безостановочно гудит, и я закипаю. Даже не удивляюсь, увидев на экране имя назойливого абонента.

– Да.

– Разве ты не планируешь возвращаться домой до нашего отъезда?

– Мила, я, кажется, тебе уже всё сказал. Или ты опять предпочла пропустить мои слова мимо ушей?

– Саш, ну не начинай, а? Сын рассчитывал, что ты проведёшь с ним время перед тем, как мы улетим.

– А я ему сказал, что уеду из Лондона, поэтому не вполне понимаю его ожидания, как и твоё неуёмное желание вечно использовать его при общении со мной.

– Ты считаешь, что я манипулирую тобой?..

– Каждый раз пытаешься, Мила. – грубовато перебиваю её, утомляясь от этого разговора.

– Вовсе нет. Мы семья, конечно, я стараюсь, чтобы всем нам было хорошо...

– Достаточно, Мил. Я уже всё тебе сказал по этому поводу. – я перевожу дыхание и нахожу взглядом фигурку Али.

Она обеспокоенно смотрит на меня издалека.

– У меня не так много времени, чтобы вести длительные телефонные переговоры, Мил.

– И чем же ты так занят, что бросил свою семью одних праздновать Новый год? – шипит она в трубку.

– Даже не буду спрашивать, почему тебя вдруг резко озаботили подобные вопросы. – усмехаюсь я в ответ.

– В кои-то веки приехали, чтобы вместе провести праздничные дни...

– Мы оба знаем, что мой сын летел сюда, чтобы отметить новый год в компании своих друзей. Зачем ты притащилась ко мне, мне неведомо.

– Может, я соскучилась по тебе. Ты почти не бываешь в Москве...

Наблюдаю исподлобья, как Аля аккуратно возвращается назад по прогнившим доскам.

– Прекрати этот цирк, Мил. Ты подумала?

– Ты обещал мне..! – взвизгивает она.

– Я обещал, что не оставлю с ребёнком на руках и без средств к существованию, – фактически нет, но это детали. – Ребёнок учится в престижном университете и живёт отдельно. Через каких-то пару месяцев ему исполнится восемнадцать лет. И ты можешь устроить свою жизнь.

– Я отдала тебе свою молодость...

– Давай без пафоса, ладно? Не драматизируй. Ты обменяла свою жизнь в Мухосранске на сытую и безбедную – в столице. Я обеспечил тебя на десять жизней. И ты будешь продолжать жить так, как привыкла. Мил, мы не виделись почти два года. Давай будем реалистами: это не семья. Поэтому я повторяю свой вопрос: ты подумала?

Она молчит. Аля приближается. Моё сердце глухо отсчитывает секунды в ожидании благоразумного ответа.

– Ты никогда не получишь этот развод!

Я отключаюсь. Какой смысл слушать вопли обиженной женщины? Всё равно будет по моему. Ровно так, как я ей и озвучил вечером тридцать первого.

Собственно, из-за вспыхнувшего скандала я и задержался. Хотел решить всё полюбовно, правда. И очень жаль, если мне не удастся уговорить её. Всё-таки мы провели в законном браке пятнадцать лет, последнее, чего я хочу, – это завершать всё на болезненной ноте.

Я всегда готовился к тому, что однажды наш вынужденный общий путь разделится на два абсолютно независимых. Только считал, что Мила станет той, кто закончит наши совместные мучения.

Улыбаюсь, когда натыкаюсь взглядом на Алю. Она совсем близко, рядом со мной. Смотрит нерешительно.

– Что-то важное? – быстрый взгляд опускается на телефон в моих руках.

– Нет, всё хорошо. Не бери в голову, прошлогодние вопросы до сих пор не решены.

– Сегодня только первое, помнишь? – Аля заливисто смеётся. – Ты ещё успеешь решить прошлогодние вопросы.

– Точно. Тогда и я не буду забивать голову всякой ерундой. Замёрзла?

– Да, немного.

– Тогда нам лучше вернуться домой, – я обнимаю её за плечи и веду назад.

– Это так странно... – задумчиво тянет Аля.

– Что именно?

– Ты так легко это произнёс: вернуться домой, нам...

– А ты, значит, любишь усложнять? – коротко усмехаюсь, глядя в её глаза. – Иногда слова – это просто слова, Аля.

– А как же тогда понять, когда это просто слова, а когда – они наделены каким-то смыслом?

– Не знаю, – честно признаюсь ей. – Но мне приятно делить с тобой этот дом. В данном промежутке времени он наш. Мой и твой. Дом, который я нашёл для тебя. Кстати, табличка с названием пуста. Знаешь, почему?

– Почему? – затаив дыхание, спрашивает она.

– Арендодатель разрешает каждому арендатору вписать собственное домовое имя на период проживания.

Мы как раз приближаемся к нашему дому, и я подвожу её к небольшой табличке.

– Ну? Как назовём?

– Дом снов, – шепчет Аля.

Я перевожу на неё взгляд, и она краснеет. Интересно!

Вывожу белым мелком название и осматриваю результат.

– Кривовато, конечно, – констатирую факт.

– Идеально, – возражает Аля.

Её голос дрожит, и я тороплюсь зайти внутрь. А там первым делом разжигаю камин, устраиваю поверх пушистого ковра пару пледов – наше идеальное местечко для просмотра фильмов, разогреваю сыр и хлебные палочки и разливаю в пузатые бокалы белое лёгкое вино с фруктовыми нотками.

К моменту, когда девушка спускается вниз, у меня всё готово.

– Какой фильм будем смотреть? – спрашиваю у неё, готовый к любому повороту.

Что там любят девочки? «Сумерки»? «Три метра над уровнем неба»? «Дневник памяти»?

– «Мальчик в полосатой пижаме»..? – с сомнением предлагает она. – Или ты можешь выбрать любой на свой вкус, но предупреждаю: если будет ужастик, я буду сидеть с закрытыми глазами!

– Не уверен, что драма или ужасы попадают под категорию романтического просмотра фильма у камина, – я качаю головой.

– «Вечное сияние чистого разума»? – снова предлагает Аля, и я вздыхаю.

В привычном мне мире женщины выбирают что-то попроще: «Красотку», «Осень в Нью-Йорке». Нестареющую классику романтических комедий и мелодрам. Впрочем, фильм я включаю, и мы устраиваемся у камина, но надолго просмотр меня не занимает: после первого бокала Аля стягивает свой свитер и остаётся в крохотной полупрозрачной маечке.

Под майкой – самый обычный, без узоров и кружев, трикотажный бюстгальтер. Без швов. Поэтому очертания сосков – это первое, что бросается мне в глаза.

Больше меня не привлекает действие на экране. Больше меня не привлекает ничего, что привлекало когда-то раньше.

Я грежу лишь об одном – как пройдуся языком по нежной коже её груди, как восхитительно будут ощущаться её соски у меня во рту. Дьявол!

Вино расслабляет её ровно настолько, чтобы она уютно устроилась на моём плече, открывая превосходный вид на ложбинку меж грудей.

– Аль, может, ещё вина? – хватаюсь за соломинку в последней надежде спастись.

– Нет, спасибо. Обычно я вообще не употребляю алкоголь. Вдруг не смогу себя контролировать? – она смеётся.

Под тонкой маечкой, в удобном лифчике грудь дрожит и трясётся от её смеха. Её волосы пахнут земляникой, и этот запах сводит меня с ума.

– Что же ты обычно делаешь, когда теряешь контроль?

– Обычно я его не теряю. Поэтому и не знаю, чего ожидать. – вежливо отвечает она, но тут же прыскает. – На всякий случай нам лучше не рисковать. Вдруг я решу во что бы то ни стало совратить тебя?

– Аля, малышка, – смеюсь я, но тут меня осеняет: – Да ты уже опьянела?

Заглядываю в её глаза и чертыхаюсь. Осоловевшим взглядом смотрит на меня с восторгом и даже не пытается скрыть своего интереса.

Тянется ко мне руками, приближает вплотную своё лицо и осторожно целует. Невесомо. Я отстраняюсь, и она разочарованно выдыхает.

– Тебе нужно поесть, Аля. Иначе завтра будет плохо.

Конечно, она опьянела с пары бокалов! Завтракали мы поздно, обошлись без обеда, долго гуляли по пляжу. Аля продрогла и вся замёрзла на пронизывающем ветру с моря. А в тепле и с бокальчиком вина сразу оттаяла и захмелела.

– Я не хочу есть, – сопротивляется девушка. – Я хочу целоваться.

– Начнём сразу, как ты поешь, – обещаю ей и скрываюсь в кухне.

Пока наполняю её тарелку сытной белковой и высокоуглеводной пищей, не слышу, как она подкрадывается сзади. Только чувствую, как тонкие руки обнимают меня со спины и Аля утыкается лбом чуть ниже моей левой лопатки.

– Не обижай меня, – жалобно просит она.

– Я же сказал, что поцелую тебя, когда ты поешь, – тихо смеюсь я. – Ты такая нетерпеливая после вина!

Она чуть крепче сжимает свои руки вокруг меня.

– Я знаю, что это не навсегда... В жизни так не бывает, правда, чтобы сразу и навсегда? Первая любовь не длится долго, да? Когда всё закончится, я не хочу пожалеть о том, что было между нами... Пожалуйста, не обижай меня... Я не хочу, чтобы мне было больно, Алекс.

Её тихая, сбивчивая речь попадает прямо в цель, стреляет в моё сердце, плавит внутренности, выжигает кислород, заставляя дышать чаще, глубже, вышибает почву из-под ног. Мир сужается до крохотной точки, той, где её ладонь лежит

поверх моего сердца.

Впервые в жизни мне горько от того, что девушка, которую я хочу, не строит абсолютно никаких иллюзий на мой счёт.

Впервые в жизни мне хочется переубедить её.

– Я не хочу тебя обижать, маленькая Аля. Не хочу. Это правда. И если так получится, что обижу, то я приложу максимум усилий, чтобы всё исправить.

– Я верю тебе, – шелестит она.

Я тороплюсь накормить её, очевидно же, что Аля наутро будет жалеть о своих откровениях! Если вообще вспомнит о нашем разговоре. Но я уже не смогу забыть никогда.

После еды Аля почти сразу засыпает перед камином, и я укладываю её в спальне и укутываю в одеяло. Разглядываю её лицо в темноте, поражаясь тому, что чувствую, какие эмоции пробуждаются во мне рядом с ней.

Это не просто физическое желание. Что-то другое. Совершенно другое. Чувствую огромную ответственность, потому что слишком явно понимаю: моя жизнь неидеальна, полна заморочек и сюрпризов и абсолютно не подходит для отношений с такой невинной и чистой девочкой. Но если посудить с другой точки зрения, кто вообще ей подходит? Малолетний пацан, который даже не сможет как следует позаботиться о ней?

Из-за всех этих мыслей, льющихся бесконечным потоком по глубинам моего сознания, я практически не смыкаю глаз.

Лишь под самое утро. Да и просыпаюсь сразу, стоит только услышать глухие шаги по коридору.

Сегодня у нас запланирована вылазка и прогулка по близлежащему городку, но судя по хмурому состоянию моей спутницы, придётся её отменить.

– Ты как? – целую её макушку.

– Ужасно! – признаётся она. – Ужасно стыдно и неловко, что ты видел меня в таком состоянии. Я наверняка несла какую-нибудь чушь?

– Нет, ты была очень... милой, – улыбаюсь ей. – Всё в порядке. Просто приму к сведению, что этому столику лучше не наливать так часто в бокал.

– Я вообще не пью! Никогда! Больше не буду. Так стыдно!

– Ты вела себя ничуть не хуже, чем обычно. Перестань так убиваться по этому поводу. Ничего смертельного не произошло, я проконтролировал.

– Спасибо, – язвительно шипит она и хватается за голову.

Весь день она почти не покидает гостиную, сидя у окна, и сразу после ужина отправляется спать.

Около полуночи я иду в душ, а по дороге из ванной в спальню сталкиваюсь с Алей в узком коридорчике. Её рассеянный взгляд блуждает по моему телу, то и дело возвращается к полотенцу на бёдрах, а я жадно разглядываю её ничёмную голубую пижамку. Короткие шорты совершенно не скрывают аппетитные формы девушки. Её округлые ягодицы едва ли умещаются под этим хлопком, а грудь тесно об-

тянута рубашкой строгого покроя.

Усилим воли заставляю себя отвести взгляд.

– Спокойной ночи, Аля.

– Спокойной ночи, Алекс, – её голос звенит и вибрирует во мне.

Она быстро скрывается за дверь своей комнаты. Я на полном серьёзе раздумываю отправиться назад, под ледяной душ, потому что способности моего тела испытаны до самого предела.

Спокойной ночи? Серьёзно? Я далёк от спокойствия. Приблизительно как отсюда до другой галактики. И я абсолютно точно не могу больше держаться в стороне, потому что хочу сжать её в своих руках и заставить стонать моё имя.

Решительно подхожу к её двери и заносу руку, чтобы постучать.

И ровно в этот момент дверь открывается.

– Я больше так не могу, – произносим мы одновременно на последнем выдохе перед тем, как я прижимаю её к себе, рассчитывая больше никогда не отпустить.

8. Аля

Моё сердце колотится так громко, что я не слышу больше ничего, кроме этого тяжёлого буханья! Он там, за дверью, в коридоре. Такой же, как в моих снах. Он обнажён. Полотенце не в счёт.

Перед глазами стоит картина: капелька воды торопливо сбегает по его груди на живот и впитывается в небрежный узел. Хотела бы я хоть на коротенькое мгновение стать этой самой капелькой!

Я доведена до предела собственными фантазиями. Как представляю, что он снова придёт ко мне во сне и снова будет целовать меня, что снова я проснусь на самом интересном месте, то мне хочется взвыть. Наверно, именно так ты понимаешь, что готов, – когда и помыслить больше ни о чём другом не можешь. Впервые в жизни я испытываю такое острое, невыносимое желание. Оно настоящее. Оно огромное. Оно не затихает от привычной дыхательной гимнастики. А только копится и копится, и переполняет меня.

Я смотрела фильмы с постельными сценами, читала любовные романы; я заводилась в некоторых случаях, чувствуя приятную истому. Ну я же здоровая молодая девушка в конце концов! Испытывать возбуждение – это нормально и естественно. Я даже мастурбировала в душе. Киньте в меня тапком, но ничего противного или омерзительного я в этом не

нахожу! Все девочки делают это. Даже девственницы.

А теперь я доросла до того, что в моей голове бьётся одна-единственная мысль: до чёртового безумия я хочу заняться любовью с Алексом. С красивым, сильным и сексуальным мужчиной, явно опытным и умелым. Думаю, это тоже нормально. Окей.

Вот только как преодолеть стеснение, волнение и страхи? Я боюсь, что он не захочет меня. Я читала, что многие мужчины стараются избежать участи стать первым в жизни неопытной девушки. Я никогда не переживу такого позора! Быть с насмешками выгнанной из постели взрослого и красивого мужчины – такое себе приключение.

А вдруг он всё-таки согласится, а я сама запаникую? Дам заднюю, и он больше никогда не захочет видеть меня? Или он, напротив, только и ждёт, когда сможет уложить меня на лопатки, взять то, что с меня причитается, и пойти дальше, не оглядываясь? А если я решу потянуть время, то вот вопрос – сколько такой мужчина готов ждать? Да и готов ли?

Давай, Аля. Не глупи. Ты хочешь этого. И он хочет – иначе не позвал бы. Идеальная романтическая обстановка для нашего первого... соития? Звучит по-дурачки! Да и что сказать Алексу? «Сегодня прекрасный вечер для того, чтобы лишиться невинности»? «Возьми меня»? «Давай перейдём на новый уровень»? Какая чушь!

Ладно. Решено. Хоть поджилки и трясутся, но мне пора с этим покончить. Сейчас самое время! Пойду к нему и ска-

жу... Ну не знаю... Точно! Скажу ему, что испугалась. Он обещал, что спрячет меня под своим одеялом. А там, глядишь, всё и случится. Без особых усилий с моей стороны. Надеюсь, я не зря нацепила эту пижаму и она действительно выгодно подчёркивает мои прелести.

Приняв подобие решения, мне становится чуточку легче. Нельзя же вечно прятаться от страха, что всё пройдёт ужасно! Мне восемнадцать, и я девственница! И только этот факт заставляет меня сомневаться в правильности выбора. Понимаете, да? Если бы не это чёртово недоразумение, я бы уже предалась пороку в спальне напротив.

«Он мне не откажет», – повторяю в своей голове.

Не прогонит прочь. Не выставит за дверь. Сегодня я стану женщиной. Его женщиной. Упрощу. Заставлю. Вытребую. Если верить книгам, у меня есть такая власть.

Лихо разворачиваюсь на пятках и резко раскрываю дверь, готовясь быстро добежать до места назначения и добиться желаемого. Но теряюсь в то же мгновение.

Я не готова застать Александра за своей дверью. Момента́льно паникую, краснею и, возможно, даже пытаюсь снова закрыть дверь.

Мужчина смотрит своим пылающим взглядом прямо в мои глаза. Я знаю, почему он здесь. Он знает, почему я здесь. У нас одна цель. Одно желание. И абсолютно разные надежды, как минимум, из-за разницы полов. Но я словно набираю кислород на полные лёгкие и ныряю в этот омут. И хоть

мне страшно до жути за будущее, от которого я не знаю, чего ожидать, но я делаю шаг навстречу. В то самое время, когда Алекс тянет меня на себя.

– Я больше так не могу, – хочу признаться ему, но слышу эхом его голоса то же самое.

Моё сердце сейчас огромно. Мне хочется петь, плакать, смеяться..! Как же я влюблена! В этом периоде времени, в нашем чудесном доме, в доме, который он нашёл специально для меня, чтобы провести это время со мной, Алей, как же невероятно я счастлива!

И будь что будет! Завтра...

Алекс притягивает меня к себе. Смотрит внимательно, будто не знает, чего ожидать. Или сомневается в своих решениях. Или в моих?

Мне нужно срочно отвлечься от этих мыслей. Иначе съёжусь от страха. Иначе передумаю и всё испорчу. Мне нужно прекратить накручивать себя негативными мыслями. Возможно, дымка поутру не рассеется, возможно, карета не превратится в тыкву, а принц – в лошадь, но я никогда не узнаю, если струшу сейчас.

Мне нужно отключить свои мысли. Они оглушают, наполняя меня недоверием и страхом. И Алекс... Мне кажется, что он с лёгкостью видит в моих глазах сомнение. Я же вижу в его взгляде борьбу и разочарование. И он отступает.

– Тебе лучше скорее спрятаться от меня, малышка-трусишка, – низким шёпотом говорит мне, разворачиваясь на

пятках.

Сейчас он скроется в своей спальне, и на этом всё закончится. Разве он станет ждать, когда я совладаю со своими тараканами?

Но я же уже всё решила! Да? А поэтому тихо, на цыпочках, проскальзываю в закрывающуюся дверь.

Зайдя в свою комнату, Алекс первым делом откидывает в сторону полотенце, и я вижу крепкие, накаченные мужские бёдра и тяжело сглатываю.

– Я не боюсь, – мой голос, напротив, дрожит.

Слишком медленно мужчина поворачивается на звук моего голоса, даже не задумываясь о том, чтобы прикрыться, и я опускаю взгляд на его эрекцию. Он... просто огромный! Я никогда не думала о реальных размерах мужских достоинств, но, судя по тому, что я наблюдаю прямо сейчас, природа щедро одарила Александра не только внешностью.

– Зачем ты пришла, Аль? – спрашивает он, надвигаясь на меня.

– Ты знаешь, – неуверенно отвечаю ему, отступая назад.

Моя спина упирается в стену рядом с дверью. Мне больше некуда идти, если только я не открою дверь и позорно не сбегу.

– Нет, не знаю. – отрезает он. – Я знаю, что ты боишься. Знаю, что не готова. Знаю, что такие мелочи ничего не изменят в долгосрочной перспективе. Для меня – точно. Мне не нужны одолжения. Я хочу, чтобы ты хотела этого так же

сильно, как желаю я. Не думай, что ты должна спать со мной только потому, что я привёз тебя сюда.

– Я и не думаю, – шумно выдыхаю я.

– Да? – усмехается он. – А так не скажешь!

Он становится так близко, что его горячая плоть, каменная, с идеальным узором вздутых вен, гордо направленная вверх, упирается в мой живот.

– Зачем ты пришла, Аля? – строго спрашивает он.

– Я... хочу, правда! Это чувство вечного томления сводит с ума! – выпаливаю я на одном дыхании. – Но мне так страшно, Алекс. У меня... Не так много знаний в этой области отношений. Я боюсь, что ты не получишь то, на что рассчитываешь. К чему привык. Мне страшно разочаровать тебя своей неопытностью... И я совсем не знаю, что будет происходить...

Замолкаю, натываясь на его взгляд. Тёмный, страшный, пугающий. Дикий, властный, порабощающий. Приковывающий меня к этому месту. Без единого шанса уйти.

Александр сводит со хруста челюсть и нависает надо мной. Его тяжёлое дыхание обжигает моё лицо. Сердце того и гляди выскочит из груди, и мне совсем не помогает повисшее между нами молчание.

Он медленно приближает своё лицо к моему, и я закрываю глаза. Не знаю, чего ждать. Поцелует или рассмеётся прямо в лицо? Мне невыносимо видеть его в это мгновение, поэтому я поступаю глупо и по-детски.

Зажмуриваю глаза в надежде, что мне это только кажется. Что этот мужчина с обалденным запахом из смеси парфюма и его личного аромата не стоит напротив меня. Что его руки не лежат на стене по обе стороны от моей головы. Что его лоб не упирается в мой собственный. Что его глаза не закрыты так же, как и у меня. Что его глухой голос не истязает меня шёпотом на грани отчаяния: «Что ты делаешь со мной? Маленькая заноза! Как же сложно сдержаться! Я хочу тебя до боли!» Что он, не выдержав, не накрывает мои губы жёстким поцелуем, стирая прошлое и уничтожая будущее. Что я, приличная девушка восемнадцати лет от роду, не схожу с ума в объятиях этого взрослого мужчины.

Но нет. Это я. Всё та же Алька. Стону в его рот, пока его крупные ладони обхватывают под шортами полушария ягодниц. Бесстыдно прошу о добавке, когда его пальцы ныряют под кружево крошечных трусиков от Виктории, которая хранит секреты. Сегодня она оберегает мой – несмотря на то, что этот мужчина вызывает настоящий потоп в моём белье, я целомудренна. Но таковой мне осталось быть недолго. И да, теперь я точно знаю, что хочу отдать свою девственность ему.

Потому что я эгоистично хочу этого для себя – запомнить свой первый раз именно таким. Ведь то, что я чувствую сейчас, чувствую рядом с ним, чувствую от него, ведь эти страсть, безумие и помешательство, возможно, случаются только раз в жизни. И даже если наутро сказка кончит-

ся и я больше никогда не увижу его снова, я отчаянно хочу, чтобы он стал моим первым мужчиной, потому что, кажется, я влюбилась в него с первого взгляда. И я абсолютно точно уверена, что никогда моё сердце не выдавало таких кульбит, словно встретило наконец свою половинку.

Его трясущиеся от безумного желания руки торопливо расстёгивают мою пижамную рубашку. Мелкие пуговицы с трудом протискиваются в петельки, и я не выдерживаю, начинаю помогать снизу, ловко приближаясь к его пальцам. А когда мои пальцы наконец задевают его, словно током прошибает, и из меня вылетает шипящий свист.

Голубой хлопок летит куда-то в сторону, а мужчина жадно осматривает мой третий размер, прикрытый кружевом. Предусмотрительно выбранный мной бюстгальтер с передней застёжкой, впрочем, надолго его не занимает. Одно движение пальцев – и я бесстыдно выгибаюсь в сторону его ладони, отчаянно желая прикосновения.

Он тяжело сглатывает и делает это. Касается острых сосков, вызывая одновременно облегчение и новый виток возбуждения в моём животе. Звуки похоти, которые вырываются из глубин моей грудной клетки, наверняка, должны вгонять меня в краску. Но не вгоняют.

Я несу всякий трепетный бред, потому что переполнена эмоциями. С моих губ срываются фразочки, вроде: «О, Боже, да!», «Только не останавливайся, прошу тебя!», «Это лучше, чем в моих снах!». Последняя особенно нравится

Алексу. В его взгляде – огонь. Тот самый, что жадно сжирает меня своими пламенными пальцами.

Мои шортики вместе с трусиками срываются за считанные мгновения. Я даже не обращаю внимание, в какую сторону их швыряет нетерпеливая мужская рука. Которая тут же подхватывает меня за талию, отрывая от пола, чтобы грубовато опустить спиной на белоснежную простыню.

От этой прохлады тело мгновенно покрывается мурашками, но всё это – весь мир вокруг – перестаёт иметь значение: медленно, сводя меня с ума, Алекс ведёт языком по моей шее, обводит ключицы, жалит самым кончиком кожу груди и только потом уделяет внимание там, где я больше всего в нём нуждаюсь.

Поочерёдно вбирает в рот соски, доводя до какой-то неведомой черты, заставляя выгибаться навстречу его поцелуям, жалобно всхлипывать, бессвязно стонать. Я не сразу замечаю, когда его рука уверенно ложится на мой живот и скользит ниже, касаясь влажных складок, ныряя кончиками пальцев в девственно-тугой вход.

Самой первой реакцией простреливает животный ужас, и я вздрагиваю. Кажется, даже пытаюсь отодвинуться в сторону. Это естественное движение никак не контролируется мною, но не укрывается – конечно! – от моего партнёра.

– Тише, тише, – он отрывается от моей груди, нависая надо мной, – идеально готова, малышка. Не бойся.

Он смотрит прямо в мои глаза, захватывая мой рот в сла-

достный плен. Все мои неясные попытки что-то произнести тонут в этом поцелуе, нежном, но настойчивом, искушающем, дарящем удовольствие.

Его руки везде. Порхают, вознося до самых небес, и я парю. Где-то за невесомой негой наслаждения я скорее понимаю, чем чувствую, как Алекс наполняет меня своей плотью, медленно растягивая и подчиняя, как идеальный сосуд, созданный по образу его и подобию.

Я чувствую нечто невообразимое: вся энергия скапливается где-то внизу моего живота, скручиваясь в тугий узел и взрывается от резкого толчка мужских бёдер. Жгучая боль, очищающая, освобождающая, лишь незначительно оттесняет чувство, которому я никак не могу найти название. Оно накатывает волнами, приближая мой самый первый в жизни оргазм, сотворённый кем-то, кто не является мной. И в это самое мгновение, в этот прекрасный миг, когда я слепну и гложу, распадаясь на крохотные частицы, и безостановочно шепчу сквозь слёзы его имя, бессвязно, захлёбываясь собственными всхлипами и стонами, Алекс сжимает моё бедро рукой, увеличивая амплитуду движений, и резко отстраняется со сдавленным стоном, орошая мой живот вязким семенем, не обрывая зрительного контакта между нами до самого конца, и наклоняется обратно, рвано дыша, чтобы покрыть моё лицо быстрыми и нежными поцелуями.

Самый идеальный мужчина сделал мой первый раз самым прекрасным, самым незабываемым, самым идеальным. Что

бы не ждало меня в будущем, за одно это я буду вспоминать его с бесконечной благодарностью.

– Давай спать? – тихо спрашивает у меня Александр.

– Мне кажется, что я и так сплю. Не хочу закрывать глаза, мне страшно, – еле слышно шепчу в ответ.

– Болит? – напрягается он и пытается подняться, но я удерживаю его.

– Не уходи, мне не больно.

– А что тогда тебя беспокоит?

– Страшно проснуться. Страшно, что ты исчезнешь. Страшно, что это всё ненастоящее.

– Я буду здесь. Рядом. Я не исчезну. Не бойся. – он сгребает меня в охапку, укутывая в одеяло, и я уютно устраиваюсь на его груди. – Спи, моя маленькая Алечка, спи, моя красавица. Теперь тебе нужно будет много сил, чтобы скорей восстановиться. Придумала тоже, исчезну! Куда же я от тебя теперь денусь? Разве оставишь такую сладость без присмотра?

Его мягкий голос обволакивает меня, и я засыпаю. И, возможно, всё это мне всего лишь снится.

9. Алекс

Проснуться на рассвете в пустой постели, мягко говоря, не то, чего я жду от этого утра. Каждая клетка моего тела ослаблена, ни одной дельной мысли в голове, я не хочу строить планов. Всё, что мне нужно, это окунуться в земляничный аромат и проспать ещё несколько часов.

Но для начала мне предстоит найти обладательницу этого самого аромата.

В душе шумит вода, и я иду напрямиком туда. Тихо отворю дверь, вижу её. Свернувшись калачиком, Аля сидит под струями воды, прикрывая лицо ладонями. Беззащитная и трогательная. Её плечи едва заметно подрагивают. Я вовсе не дурак. Прекрасно понимаю, что она плачет.

По большому счёту, я должен оставить её одну. Ей нужно немного времени, чтобы справиться с эмоциями. Жалеет она или нет – уже ничего не изменить. Она подарила мне право первой ночи. Лучшее, что случилось со мной за многие годы, если не впервые! И я надеюсь, что смог не ударить в грязь лицом.

Пусть это прозвучит с ноткой бахвальства, но я уверен, она не жалеет. Она получила то же невероятное удовольствие, что и я. Это что-то другое. С кем-то другим я бы не стал задумываться о причинах, но с ней получается само собой. Мне важно знать, что она в порядке. Что она не разоча-

рована. Что ей не больно.

Я не силён в женском здоровье, но подозреваю, что неосознанно мог повредить ей что-то. Вероятно, мне стоит показать её врачу. Да, так будет правильно.

Но наперво мне нужно успокоить её. Женские слёзы после секса – тревожный звоночек. Женщины любят надумывать то, чего нет. И странным образом меня беспокоит то, что могла надумать эта конкретная маленькая женщина.

Захожу под душ и устраиваюсь рядом, притягивая её к себе. Целую макушку, и девушка осторожно всхлипывает. Проходит немало времени, прежде чем она успокаивается и перестаёт дрожать.

– Расскажешь, что успело приключиться за те несколько часов, что я спал?

– Это... не важно.

– Да, я так и понял. – не могу сдержать смешок. – Всё самое неважное всегда происходит на рассвете в ванной после самого удивительного момента моей жизни. И я надеялся, что и твоей тоже.

– Я проснулась, потому что захотела в туалет, – Аля отрывается от меня и шепчет куда-то в сторону. – Там, на кровати, осталось столько крови!

Я тут же подбираюсь.

– У тебя открылось кровотечение? Боли? Слабость? – она сжимается от каждого моего слова, вызывая страшные опасения. – Малышка, не молчи, пожалуйста! Сколько те-

бе нужно времени, чтобы собраться? Нам стоит вернуться в Лондон, у меня есть знакомый владелец частной клиники, я организую приём врача.

В импульсивном порыве я опускаю руку меж её ног и касаюсь, чтобы найти подтверждение своим страшным догадкам. Гладящим движением пробегаюсь по припухлости половых губ, касаюсь входа.

– Крови нет, – удивлённо смотрю на руку. – Совсем не кровит?

– Нет. – она наконец поднимает на меня свой заплаканный взгляд. – Сейчас не кровит. Видимо, вся кровь осталась на простыне. Тогда, когда ты... В общем, когда мы...

– Когда я сделал тебя своей женщиной? Счастливой и удовлетворённой, как мне посмело показаться.

– Да. Всё так и было.

– И что же изменилось сейчас?

– Я проснулась, увидела эти пятна на постели, и мне стало стыдно.

– Позволь, я уточню: тебе стало стыдно за то, что ты потеряла девственность?

– Скорее, за сам факт, что была ею.

– Чёрт, малышка, я даже не знаю, как тебе описать ту бурю эмоций, которую порождает в моей душе этот нюанс. Ты захотела стать моей. Не какого-то гипотетического Джона, Ларри или Гарри. Ты моя!

– Значит, ты не... разочарован? Я читала, что большин-

ству опытных мужчин не нравится секс с невинными девушками...

– Во-первых, я не большинство. – вижу её меняющийся взгляд и осекаюсь. – Аль, я не охочусь за девственницами. Но раз уж так получилось, что мы с тобой вместе, мне не важно был у тебя кто-то до меня или нет. Но мне чертовски приятно быть твоим первым.

– Вместе? – глухо переспрашивает она.

– А ты думала, что утром я выставлю тебя за дверь? – смеюсь я.

Она торопливо прячет взгляд.

– Так и думала, – выдыхаю я. – Зачем же тогда переспала со мной?

– Потому что хотела, – запальчиво отвечает она. – Это нормально, что и сейчас хочу? Что я снова испытываю желание, хотя получила свой оргазм?

– Нормально, – почему мне кажется, что она ловко сменила тему? – Я тоже хочу тебя. Но сейчас нам лучше не стоит тревожить тебя. Придётся воздержаться от проникновений некоторое время.

Она надувает губы. Очаровательная девочка, которая сидит занозой глубоко внутри меня, снова вернулась на смену неуверенной и ранимой Але, которую хочется оберегать и прятать.

– Я читала, что нельзя делать большой перерыв.

– Выброси свои дурацкие книжонки, – советую ей, под-

нимаясь.

Игнорирую её взгляд, направленный на вздыбленный член, и быстро намыливаю волосы и тело шампунем.

– Я правильно понимаю, что ты уже успела освежиться? Смыть воображаемую кровь и что там ещё привело тебя в смущение?

– Успела, – кивает она, и я подхватываю её на руки.

– Тогда пошли, малышка. Сейчас я удовлетворю все твои желания.

Автоматически хочу свернуть в свою спальню, но в последний момент открываю дверь её комнаты.

– Не хочу, чтобы тебя отвлекали те *незначительные* капли крови, – поясняю на её удивлённый взгляд. – На самом деле всё не так уж и страшно, но лучше не рисковать.

– Мне показалось...

– Тебе показалось, Аль. Поверь, если бы дело обстояло иначе, я бы уже вёз тебя к врачу.

– А если...

– Не сейчас. Потом я изучу повнимательнее, обещаю. Сейчас нам нужно заняться тобой.

Укладываю её на кровать, прямо поверх одеяла, и развожу колени в стороны. Да, на первый взгляд, всё выглядит нормально. Небольшое покраснение у воспалённой сладкой дырочки, но никаких трещин и крови не видно.

Аля неуютно ёрзает под моим взглядом и пытается свести ноги вместе.

– Не торопись, – бросаю ей, целуя внутреннюю сторону бедра.

Нежная атласная кожа моментально покрывается мурашками.

– Что ты... делаешь? – со стоном шепчет она.

– Тебе не нравится?

Чем ниже опускаются мои губы, тем чаще становится её дыхание. Обхватываю руками грудь, лаская напряжённые соски большими пальцами, и провожу языком вдоль складок. Это небольшое действие приводит в движение бёдра девушки.

– Тебе не нравится? – снова повторяю свой вопрос.

– Нравится, но я читала...

– Забудь. – перебиваю её на полуслове, заранее понимая, что она скажет. – Мне нравится.

Дьявольская конфета, не иначе. Сладкая, сочная, порочная. Мне совершенно не хочется отпускать её из рук. Из рта. Это чёртово райское наслаждение – ублажать её своим языком. Запускать ток по венам и заряжаться от этого самому.

Аля издаёт сексуальные стоны, поднимая бёдра навстречу каждому влажному поцелую. Как же она меня заводит! Ни единого шанса устоять!

Желая скорее приблизить её к удовольствию, я глажу тугие соски ладонью, а свободную руку опускаю вниз. Дело рискованное, но игра стоит свеч, и я постепенно ввожу па-

лец – миллиметр за миллиметром – в жаркое узкое потаённое местечко. Какая же влажная! Палец с лёгкостью скользит внутрь и обратно, пока я посасываю клитор во рту, перекачиваю на языке, изредка прикусывая или усиливая давление.

– Ооооо, да, Алекс! – протяжно стонет Аля, и я наслаждаюсь тем, что вижу, слышу, чувствую.

Тонкие пальцы запутываются в моих волосах, неосознанно притягивая меня ближе. Она вся в движении: неосознанно поднимающиеся навстречу движениям языка бёдра, дрожащие от напряжённого ожидания ноги, часто вздымающаяся от переполняющих эмоций грудь, нежные руки, касающиеся меня, задевающие голову, шею, плечи... Она прекрасна. Удовольствие ей к лицу. Как и широкая счастливая улыбка, расцветающая на лице после ошеломительного оргазма.

Некоторое время Аля тяжело дышит, пытаюсь прийти в себя, а потом нерешительно, нехотя открывает глаза. Натыкаясь на мой взгляд, она краснеет.

– Понравилось? – с усмешкой спрашиваю у неё.

– Да, конечно. Мне снилось это, но я просыпалась раньше, чем... – она смущённо замолкает.

– Раньше, чем что? – поторапливаю я.

– Раньше, чем это происходило. – в её голосе слышится такая досада, что я не могу сдержать улыбки.

– Ну ничего, малышка. – успокаиваю её. – Теперь я всегда буду доходить до финала.

– Ты хочешь..? – тихо спрашивает она.

– Аль, даже не сомневайся. Я хочу тебя. Но, как я и сказал ранее, нам придётся потерпеть. Я не хочу навредить тебе.

– А как же..? – она выразительно смотрит на каменный стояк.

– Не переживай об этом, малышка. Это моё обычное состояние рядом с тобой, – я усмехаюсь. – Наверстаем позднее.

– Я читала...

– А ты много читаешь, да? – со смехом ложусь рядом и обнимаю её, упираясь членом в её аппетитную попку. – Я тебе как опытный бизнесмен говорю: нельзя жить по книгам. В жизни слишком много независящих от нас факторов, но только мы выбираем, как поступать в той или иной ситуации. Проще говоря, человек сам кузнец своего счастья. Или несчастья. Кто-то мог сказать: слишком сложно, ты по утрам учишься, вечерами и до поздней ночи работаешь. У меня весьма и весьма плотный график, абсолютно отличный от твоего. Нереально. Нелепо. Невозможно. Я говорю: к чёрту. Если я хочу тебя в своей жизни, меня ничто не в силах остановить. Я не могу пообещать тебе завтра или светлое будущее, жизнь слишком непредсказуема, но моё сегодня я хочу и буду делить с тобой. Мы в самом начале нашего пути, и только от нас двоих зависит, каким долгим он будет и куда в итоге нас заведёт.

Она молчит, принимая на веру мои слова, а на меня наваливается какая-то вселенская усталость. Помимо личных забот и хлопот, я вдруг чётко понимаю: как раньше уже не

будет.

Не будет лёгких и беззаботных отношений. С ней – не будет. На привычные мне условия она не пойдёт. Да и не хочу я как раньше. Товарно-денежными отношениями наелся досыта. Сейчас же – словно глотнул свежего воздуха. И мне приятно дышать так, на полную грудь.

Я не хочу сказать, что неожиданно влюбился, если это и возможно, когда тебе за тридцать пять. Я никогда не влюблялся. Раньше мне было не до этого, а потом – потеряло смысл. Но я предпочитаю стабильные отношения с одним партнёром. Это надёжно и безопасно. Памятуя свой последний опыт поиска быстрого и лёгкого удовлетворения – провальный, который чуть не привёл к самой нелепой ситуации в моей размеренной и комфортной жизни, понятно, почему я стремлюсь обзавестись стабильным сексом.

И если я и так нахожусь в свободном плавании уже некоторое время, так почему бы не попробовать с Алей? Она мне нравится, а после того, что произошло сегодня ночью, я тем более не могу помыслить, что это завершится так скоро.

Будет это длиться несколько месяцев или несколько лет, не столь важно. Все мои отношения заканчивались одинаково – как только мне приедалась та или иная женщина или мою партнёршу переставал устраивать определённый мной порядок вещей. Сейчас ситуация выглядит несколько иначе. Я заведомо собираюсь вступить в связь с молодой и неопытной девушкой, не ставя её в известность об истинном поло-

жении дел. Что я творю? Ну не кретин ли?

Когда наш маленький отдых окончится, мне в срочном порядке нужно будет решить несколько вопросов. Я не даю обещаний, но и не собираюсь пускать всё на самотёк. Буду откровенным: я собираюсь использовать максимум своих возможностей, чтобы создать комфортные условия для наших отношений.

Если всё сложится, меня не устроят обеда и вечера дважды в неделю. Але нужна другая работа, потому что я уверен, что она откажется примерять роль соержанки.

Если всё сложится, Але придётся съехать с общежития. Я бы хотел, чтобы она была готова принять меня в любое время. С моим бешеным темпом жизни иначе невозможно.

Если всё сложится, а я не люблю загадывать, мне нужно как можно скорее решить проблему с разводом. Врать, скрываться я не привык, но и быть неправильно понятым не желаю. И обидеть, сказав правду, боюсь. Забавно, что меня вообще это беспокоит, учитывая, что развод всегда был делом времени, которое растянулось на долгие годы, и никоим образом не относится – никогда не относился! – к моей частной жизни. А тут как переключило: не хочу, чтобы знала и надумывала лишнего.

Ну какая блажь! Самому смешно, что опасаюсь реакции восемнадцатилетней девчонки! Но почему-то усиленно гоню от себя тревожную мысль: а, собственно, чего я опасаюсь больше? Что она начнёт строить планы о совместном буду-

щем или принести в её жизнь разочарование и боль от предательства?

Ближе к трём часам мне удаётся вывезти Алю на прогулку в соседний город. Я не могу не отметить, как изменилась её походка – хоть она и скрывает, я чувствую, что определённый дискомфорт она испытывает. Надеюсь, временный.

Для меня самого это ново. Едва ли не единственная девушка, для которой я навсегда останусь первым мужчиной. Она, Аля, в таком осознанном возрасте, и мать моего сына – по молодости, по глупости и безалаберности.

Несмотря на то, что в городе есть, где погулять, Алю необъяснимо тянет на пляж, и я не смею отказать. На мой рациональный взгляд, стылое Северное море не лучшее место для прогулки в начале января, но моя спутница лишь смеётся.

– Ты не понимаешь, – качает она головой, – вода – моя любимая стихия, это раз. Во-вторых, море... Оно же великолепно в любое время года! Раньше я никогда не видела его.

– Что значит – не видела?

– Буквально то и значит. – она смущается. – Я впервые увидела море, когда ты отвёз меня в Дувр. Я имею в виду, кроме как в иллюминаторе самолёта, конечно.

Я в замешательстве. Даже не сразу нахожу, что и сказать. А она тем временем продолжает, не обращая на меня никакого внимания:

– До шестнадцати лет я жила с мамой в крохотной квар-

тирке, в старом панельном доме, расположенном не в самом престижном районе Москвы. У моей мамы, учителя младших классов, не было возможности возить меня на море. Сколько я себя помню, мы купались только в озере в нескольких остановках на электричке. Однажды ездили по путёвке от школы в пансионат в Тверской области, на Волгу. Но моя мама всегда мечтала побывать на море. Мы копили деньги несколько лет, откладывали каждую копеечку, экономя на одежде. Мама перешивала мне школьную форму, латала колготки... Неважно, в общем. Теперь я здесь. На море. И поверь, мне всё равно, что вода не кристально чистая и прозрачная, что она не лазурно-голубого цвета, что сейчас не знойный июль и я не могу окунуться в солёную воду... Это всё мелочи. Главное, что я здесь. На море.

От её пламенной речи у меня першит в горле. А от вида застывших в глазах девушки слёз я испытываю странный дискомфорт где-то по центру грудной клетки.

– Моя мама умерла, так и не исполнив свою мечту, – тихо заканчивает Аля. – В год, когда мне исполнилось четырнадцать и мы должны были отправиться в своё путешествие, у мамы обнаружили опухоль. Через два года её не стало.

Она всё-таки плачет. Тихо, словно стесняясь такого проявления чувств. Совсем не напоказ. И мне не остаётся ничего больше, кроме как просто сжать её в своих руках в попытке принести немного успокоения.

Позже мы заканчиваем вечер ужином в ресторане с пре-

красным видом на водную гладь и возвращаемся в наш домик затемно. Я не спрашиваю позволения, она не выражает протеста: мы вместе принимаем душ, вместе ложимся спать в одной комнате.

В моей голове полный бардак. Не хочу и не могу думать, где, мать твою, был все эти годы её отец. Что за мудака терпеливо отсиживался в стороне, пока его дочь – чистый, прекрасный и светлый человек, – сидела рядом с умирающей матерью?

Утро выдаётся хмурым. Лепит снег с дождём. Аля придвигает кресло к панорамному окну и загружает электронный учебник. К вечеру мы должны вернуться в Лондон, и это знание не улучшает настроения.

Жизнь потечёт дальше. Привычным ходом. Я погрязну в делах, которые забросил на эти дни, забросил целенаправленно, чтобы уделить время Але. Предвкушая собственную занятость, я раздумываю, как донести до девушки ту простую мысль, что скоро её жизнь изменится до неузнаваемости. Если, конечно, она захочет попробовать. А мне очень хочется, чтобы она хотела.

На обратном пути в Лондон Аля заметно нервничает. Тербит в руках ремешок сумки, кусая губы.

– Всё в порядке? – не выдерживаю я.

– Да, конечно. Просто... – она мельком смотрит на меня и отводит взгляд в сторону, – было здорово. Там, в этом доме. Немного грустно его покидать. А теперь...

– Я заберу тебя завтра в три. Пообедаем, и я отвезу тебя на работу. Мне нужно в срочном порядке уладить несколько вопросов, но я найду время для тебя, Аль.

Я беру её руку и не отпускаю до самого общежития. Если бы я позаботился заранее и договорился об аренде, я бы мог уже сегодня отвезти её в квартиру, где она и могла бы жить. Не везти же её к себе без уверенности, что Мила забрала всё своё барахло, а главное, убралась оттуда сама!

Одна ночь ничего не решит. А завтра я поручу помощнице найти приличную квартиру или лучше даже дом и уже в обед смогу озвучить свои пожелания.

На прощание я позволяю себе легкомысленный и пьянящий поцелуй и еду домой. С удовольствием отмечаю тёмные окна. Надоело жить в отеле, но делить кров с Милой вызывает куда больше напрягов.

Мне нечем занять свой вечер, и я, налив на два пальца шотландский виски, загружаю макбук и открываю почту. И ментально узнаю неутешительные новости.

Пока переодеваюсь, бронирую билет на ближайший рейс до столицы Родины, созваниваюсь со своим замом, пытаюсь выяснить хоть какие-то детали.

И только в самый последний момент, когда ночных пассажиров просят отключить телефоны, повинувшись импульсивному порыву, быстро отправляю сообщение: «Мне пришлось срочно вылететь в Москву. Извини, малышка, обед переносится на неопределённый срок».

10. Аля

Мне не верится, что всё это происходит на самом деле. Я размышляла о том, что будет поутру, когда вспыхнувшая страсть утихнет, как мы станем вести себя друг с другом, боялась неловкости, боялась столкнуться с равнодушием, холодностью, но ничего такого не произошло. Напротив, мужчина проявил нежность и заботу по отношению ко мне.

Так легко было поверить в реальность происходящего там, на берегу моря, где откровения давались мне с лёгкостью. Но напряжение, захватившее меня в последний день, не спадало до тех самых пор, пока он не сказал, что ничего не изменилось. Он продолжит уделять мне время.

Наверное, именно в этот момент тяжесть ожидания его решения спадает, переставая давить на мои хрупкие плечи. Я не знаю, как сложатся наши отношения, сложатся ли вообще, но его убедительное и твёрдое заверение уже даёт мне некие гарантии. Позволяет вздохнуть с облегчением.

Он не собирается бросать меня, получив то, чего хотел.

И хотя мне грустно расставаться, и я прекрасно осознаю – так, как было в доме на берегу, больше не будет, я чувствую себя воодушевлённой. Алекс прав: только наши решения и наши желания важны. Наши жизни слишком разные, но только нам решать, быть нам вместе или нет.

Вернувшись в свою комнату, я первым делом наполняю

ванну. Долго лежу в пушистой пене, вспоминая удивительные события этих дней. Каждое слово. Каждый взгляд. Каждое прикосновение. Каждый поцелуй.

Впервые за долгое время – со дня смерти моей мамы – я чувствую себя в порядке. Цельной. Восстановившейся от боли. Воспрянувшей духом. Желанной. Незаменимой. И я отчего-то верю, что чуточку любимой. Мне не хватало этих чувств.

Когда я осталась одна после смерти мамы, без друзей, родственников и даже просто хороших знакомых, когда в моей жизни появились отец и Инга, даже когда познакомилась в колледже с Лив, я не испытывала того, что чувствую сейчас. Алекс словно заполнил всю пустоту моей жизни разом. Занял каждую пустую полочку в моей душе, заполонил моё сердце.

Я знаю, что рано или поздно всё между нами закончится и я буду жалеть, что позволила себе так сильно увязнуть с самой первой встречи, но ничего не могу с собой поделать. Слишком нравится мне чувствовать себя такой живой, настоящей, влюблённой. Такой, какой и должна быть девушка моих лет. А не та унылая версия её блёклой тени.

Если я старательно стану напоминать себе, что я и Алекс – это не навсегда, то я смогу снова не провалиться в уныние, когда всё закончится.

Я нежусь в ванне, пока вода окончательно не остывает, сухо вытираюсь пушистым полотенцем, наношу на кожу

лосьон для тела, на волосы – масло, на лицо – крем. С удивлением разглядываю свои глаза, кажущиеся мне вдруг такими взрослыми, умудрёнными неожиданным опытом, но лихорадочный блеск в них без труда выдаёт моё влюблённое состояние.

Я улыбаюсь своему отражению и отправляюсь спать, желая, чтобы завтрашний день наступил как можно скорее, но сон не идёт. Я раздумываю набрать сообщение Алексу, просто спросить какую-либо глупость, чтобы получить ответ. Или чтобы он перезвонил мне. Но, конечно, не решаюсь.

Вероятнее всего, его не мучает бессонница. Учитывая, что у него накопилось много дел за время отсутствия, ему нужен полноценный сон, а не мои влюблённые глупости.

Я засыпаю поздно, пропускаю будильник, в спешке бегу на занятия. И лишь там, устроившись за столом в огромной аудитории среди сотен таких же студентов, проверяю телефон.

Улыбаюсь, видя значок уведомления о входящем сообщении от Алекса и торопливо открываю его.

«Мне пришлось срочно вылететь в Москву. Извини, малышка, обед переносится на неопределённый срок.»

Улыбка гаснет. В голову сразу лезут недобрые мысли: он всё-таки бросил меня! Почему просто не сказал мне это в лицо? Зачем играл?

Часто дышу, чтобы сдержать рвущиеся из груди рыдания, сжимая телефон до побелевших костяшек пальцев. Рядом

усаживается Лив и встревоженно смотрит на меня.

– Элла, что случилось? – спрашивает она с тревогой.

И я неожиданно для себя вываливаю на неё всё, что меня беспокоит.

– О, милая, я уверена, что ты поторопилась с выводами.

По крайней мере, ты же можешь ему написать, позвонить? Узнать, как обстоят дела на самом деле?

– А если он... бросил меня?

– Что ж, Эл, мужчины так поступают, но это не значит, что ты какая-то неправильная. Это значит, что он мудака.

Она просто не понимает! Я никогда не ощущала ни с кем другим такой близости, и дело вовсе не в том, что он сделал меня женщиной. Я про тот момент, когда ты можешь сказать всё и быть понятой правильно, без разных надуманных заключений..! Если окажется, что он врал мне в лицо, просто смеялся надо мной, как жить-то тогда? Как справиться с таким потрясением?

Я отключаю все мысли, стараюсь изо всех сил. И отправляю Алексу сообщение: «Надеюсь, у тебя всё в порядке? Я волнуюсь за тебя». Сообщение прочитано мгновенно, но ответа не следует.

Я убеждаю себя, что он занят. Он обязательно свяжется со мной, как только сможет. Проверяю телефон весь день. И следующий. И следующий. И даже к концу недели нет-нет, а бросаю взгляд на экран в ожидании весточки от мужчины.

Но чем больше проходит таких дней, тем явней я понимаю: он не собирался продолжать наше общение. Кроме имени, я не знаю о нём ничего, даже найти не смогу, даже если бы у меня была такая возможность.

У меня опускаются руки. Сердце сковывает от чувства глубокого разочарования. И самое обидное, что я разочарована в себе!

Глупая, наивная Алька! Так поверить в первого встречного! Неудивительно, что я облажалась!

Но больше такого не повторится. Больше никогда ни один мужчина не сможет воспользоваться мной. Больше никогда ни один мужчина не заставит меня плакать!

Лив очень поддерживает меня. Она буквально тянет меня за руку, не давая замкнуться в себе, зарыться в одеяло и реветь сутками напролёт. Хотя я больше ей ничего не рассказываю, она прекрасно всё понимает по моему ухудшающемуся с каждым днём настроением.

Через десять дней мы покидаем здание колледжа, направляясь на обед. Я рассказываю Ливи про пройденную сегодня на экономике тему, в которой у подруги возникли проблемы, как вдруг она тянет меня за рукав.

– Эй, Эл! Я уверена, что это к тебе...

Сердце щемит от острого чувства тоски, когда я, отслеживая её взгляд, натываюсь на знакомый силуэт.

Алекс стоит у своей машины и смотрит в телефон, периодически поднимая голову и изучая окружающую действительность.

тельность.

Я застываю как вкопанная. Весь мир застывает. Когда наши взгляды пересекаются, меня словно током пронзает. Как же я скучала! Как же глубоко он ранил меня!

Так и стою на месте, не смея сдвинуться ни на шаг. Очевидно, я сошла с ума и всё это мне кажется, потому что Александр вдруг улыбается мне, с лёгкостью подхватывает с заднего сиденья огромный букет тюльпанов и идёт в мою сторону.

– *Это он?* – сквозь призму своего нового состояния слышу голос Оливии и просто киваю в ответ.

Проходит несколько секунд, хотя мне кажется, что лет. Моё сердце трепетно порхает внутри грудной клетки, будто маленькая птичка машет крылышками и бьётся о рёбра.

Алекс подходит ко мне. Я не знаю, чего ждать в следующее мгновение, беспомощно сжимаю пальцами лямку рюкзака и глубоко дышу, чтобы не разреветься перед ним.

Мужчина останавливается в считанных шагах от нас, внимательно осматривает цепким взглядом, расслабленно и как-то обречённо вздыхая, и тянет меня на себя.

Шумно вдыхает у моей макушки, следом целует: макушку, висок, скулу, уголок губ, мочку уха, синюю венку в изгибе шеи, зарывшись лицом в мой шарф. Его рука уверенно ложится между талией и бедром очень интимным, весьма недвусмысленным жестом, когда его губы накрывают мои. Жёстко, властно, требовательно, но так сладко и страстно,

что у меня кружится голова.

– Скучал по тебе, малышка, – тихо говорит мне мужчина, заглядывая в глаза.

В его голосе звучит искреннее удивление. Я – так просто нахожусь где-то за гранью реальности. Что сейчас происходит? Вот что, скажите, сейчас происходит?

Словно до этого был слеп, он жадно смотрит на меня голодным взглядом, снова целует. Опомившись, вручает букет, и я принимаю. Я, вероятно, сошла с ума. Сбрендила. Да? Этого же просто, просто не может быть!

– Так скучал, Аль, места себе не находил, – признаётся мне. – Как ты тут? Скучала?

Я беспомощно смотрю, как Лив машет мне рукой и, развернувшись, уходит одна. Вот и подруга, блин! Оказала мощную поддержку!

– Так скучал, что даже не нашёл ни секунды свободного времени, чтобы черкнуть мне пару слов? – мой голос звенит опасными визгливыми нотками.

Стыдно признавать, но, кажется, сейчас я просто скачусь на банальную истерику.

– У меня украли телефон в первый же день, я мотался по городу, даже не знаю, где и как это произошло, – абсолютно спокойно говорит Алекс. – Новый я купил, конечно, и даже контакты загрузил, но, видимо, давно не синхронизировал данные. Несколько номеров, включая твой, не восстановились. Мне жаль, что я не имел возможности связаться с то-

бой, малышка. Но ты, должно быть, не так уж сильно суча-
ла, раз сама даже ни разу не написала мне, да?

– Я думала... – смущённо отвожу взгляд в сторону. – Я не
хотела навязываться.

– Аля, – он качает головой. – Ты когда-нибудь прекратишь
приписывать мне все эти заслуги?

– Мне сложно так сразу поверить...

– Пожалуйста, Аль. – В его голосе прорезаются стальные
нотки. – Помоги мне, маленькая моя девочка. Я не справ-
люсь, если ты будешь сомневаться в каждом моём слове.
Аль, я взрослый мужик, у меня сейчас очень крупные про-
блемы в бизнесе, последнее, что мне нужно – это грёбан-
ный детский сад. Ты умная, продвинутая, современная мо-
лодая женщина. Пожалуйста, просто прекрати приписывать
мне все эти клише из своих девчачьих книжек, ладно? Ес-
ли я решу порвать с тобой, то скажу об этом максимально
честно, и я буду ждать от тебя того же. Но за меня решать
не надо, ладно?

– Я постараюсь. – мою грудь распирает от чувств. – Буду
очень стараться, честно. Мне просто не верится, что ты и
правда существуешь, мой идеальный первый мужчина.

– Кстати, об этом, – усмехается он. – Как ты себя чувству-
ешь?

– Всё хорошо. – я краснею под его опаляющим взглядом. –
Уверена, никаких проблем. Меня ничего не беспокоит.

– Отлично, – он берёт меня за руку. – Потому что я слиш-

ком скучал, чтобы терять время даром. И так много упущено. Поехали, малышка.

11. Алекс

Со странным смятением на душе наблюдаю, как Аля медленно осматривается вокруг: ходит по гостиной, выглядывает в окно, бросает взгляд на закрытую дверь спальни, устремляется в просторную кухню, отделанную в стиле хай-тек.

Несмотря на нетерпение, охватившее меня, я даю ей спокойно изучить обстановку.

– Это твоя квартира? – ещё раз спрашивает она.

– Да.

– Здесь... красиво. Но не чувствуется уюта и тепла. – говорит она и тут же краснеет. – Извини.

– Аль, я здесь только ночую. – и то не всегда. – Изредка выдаются выходные, а если и выдаются, то я предпочитаю провести их более продуктивно.

– Понимаю, тебе это просто неинтересно. – она улыбается. – Мужчины редко обращают внимание на такие вещи.

– Зато мужчины обращают внимание на другие, – делаю несколько шагов в её направлении. – Например, как преобразилась моя берлога, стоило тебе только переступить её порог.

Она смеётся. Тоненькие колокольчики её смеха гулко разносятся по всей комнате и устремляются ко мне.

Мне не хватало этого. Не хватало её.

Эта мысль простреливает в моём сознании, и я гоню её.

Как гнал, занимаясь своими делами, гнал, ожидая встречи с ней у колледжа, как гнал после опрометчиво брошенных девушке слов.

Но я действительно скучал.

По прилёте в Москву я вынужденно поехал напрямик на квартиру, надеясь, что Мила отправилась в очередное турне, желательно, в какую-нибудь Зимбабве, или, на худой конец, предпочла коротать праздничные каникулы в загородном доме. Но если уж судьба повернулась к тебе задом, то жди неприятностей по всем фронтам.

Так, после практически бессонной ночи, я рассчитывал спокойно принять душ, перехватить чашечку кофе и переодеться, чтобы приступить немедленно к решению возникшей проблемы с недавнишним тендером. На деле я получил очередные выяснения отношений с женой. Вернее, женщиной, которая пока ещё являлась моей женой согласно документам.

– Какая неожиданная встреча, господин Мельченко! Что же вынудило такого делового бизнесмена покинуть берега Туманного Альбиона и вернуться в родные края? Неужто приехал самолично подать заявление на развод?

– Не исключено. – раздражённо бросил в ответ. – А ты бы хотела, чтобы к тебе приехал мой адвокат?

– Я бы никак не хотела, Саш! Когда-то ты обещал мне, что не бросишь. Никогда, ни при каких обстоятельствах! Я поехала за тобой. Сходила с ума под оры младенца, пока ты

работал. Всю жизнь посвятила этому союзу. Верила во все твои обещания! Ты же говорил, что так и тебе спокойней, твои тылы надёжно защищены и ребёнок под присмотром, и мне гарантирована стабильность. Почему вдруг тебя перестало это устраивать? Почему ты рушишь всё?

Она срывается на слёзы. Наверное, я должен пожалеть её. Хотя и сути её претензий до конца не понимаю. Да, пятнадцать лет брака пролетели как один миг. Да, нам пришлось рано стать родителями. Да, я работал сутками напролёт, пока Мила нянчила моего сына. Её выбор. Насильно не тащили в Москву.

Да, я когда-то пообещал ей, что не оставлю семью. А что ещё должен был сказать дембель с младенцем на руках и неясными перспективами?

И я ведь честно старался по первости наладить отношения с Милой, а она артачилась. То руки грубые, то предварительных ласк недостаточно, – словно у меня оставались силы после восемнадцати часов работы на складе грузчиком или на заводе разнорабочим!

Когда судьба свела меня с Бакинским и тот предложил проверить прибыльное дельце, даже не поверил, что могу заработать за месяц непыльной работёнки сорок тогдашних зарплат. Думал, вздохну теперь спокойно, но куда там! Мила долбила мозг почище птицы-мозгоклюйки, что Николай втянет меня в неприятности, что я не имею права с ней так поступать.

И какое счастье, что мне хватило ума не вестись на её истерики тогда. Благодаря моей тесной дружбе с Бакинским, благодаря нашему доверительному компаньонству, у меня есть то, что есть. Чего заработал непосильным трудом и верой в успех.

И сейчас я знаю, что поступаю так же верно: пришло время отпустить Милу. В первую очередь, для неё же самой. Ей всего тридцать три года, она достаточно молодая и яркая женщина при деньгах. Она будет счастлива. У неё наконец появится тот муж, которого она всегда пыталась вылепить из меня своими неправильными методами.

– Мил, давай будем откровенны? – устало сказал я ей. – Мы никогда не были семьёй. Мы пытались, но у нас ничего не вышло. Пока не поздно, ты успеешь снова выйти замуж и родить. Раньше ты этого хотела. Сейчас у тебя есть для этого возможность.

– Как будто тебя это волнует! Саш, мне-то не ври! Что, появилась какая-нибудь профурсетка, ловко округившая тебя своей великолепной дыркой? Настолько, что ты потерял последние зачатки разума?

– Ты считаешь, что развод может случиться только по этой причине? Серьёзно, Мил?

– Такие мужчины, как ты, разводятся только по банальным житейским причинам. Скажи ещё, что у тебя никого нет!

– Ты понимаешь, что я не стану подтверждать или опро-

вергать этот факт? Я знаю о твоих любовниках, ты прекрасно осознаёшь, что я не живу монахом, учитывая, что два года не пересекались вообще, а в общей постели – лет семь так точно.

– Скотина!

– Мила, у тебя будет щедрое содержание. Ты никогда ни в чём не будешь нуждаться. Твоя жизнь не изменится никоим образом. Мы не семья. Даже сын уже понимает это, раз предпочёл жить отдельно сразу после окончания школы. Уверен, очень скоро он и сам захочет жениться, и ему уже станет окончательно всё равно, женаты мы или живём с тем, с кем действительно хотим.

Мой телефон коротко завибрировал на столе, и я взял его в руки. Сообщение от Али непроизвольно вызывало улыбку на моём лице. Волнуется за меня малышка. От этих простых и искренних слов я приободрился и наполнился теплом и светом. Частичками этой доброй и нежной девочки.

На непозволительно короткий срок я совершенно забыл, где нахожусь, впитывая знание, кто ждёт моего возвращения. А Мила безошибочно считала ситуацию. Она смотрела на меня и с горечью усмехнулась.

– Значит, я права. Есть какая-то шалава, которая вынуждает тебя жениться на ней. Поверить не могу, что ты повёлся, Мельченко!

Раздражение от грубого слова, брошенного Милой в адрес Али, мгновенно вспыхнуло во мне, но я проглотил его. Не

считаю нужным скатываться до взаимных оскорблений, но, если бы я в тот момент не сдержался, мы бы пришли и к этому.

– Если тебя это успокоит: я не планирую более вступать в законный брак. Но если бы запланировал, вряд ли меня интересовало хоть чьё-то мнение на этот счёт.

– Даже у сына не спросишь одобрения?

– Он больше не маленький мальчик, Мила. Не думаю, что он не понимает, что наши отношения давно уже изжили своё. И он воспринимает это достаточно безболезненно. Это самое главное для меня. Всегда было. Даже если я решу однажды жениться снова, для него это не станет неприятной неожиданностью. Он примет те обстоятельства, которые потребуются принять.

– Так может просто сказать ему правду? Рубить – так под самый корень?

– Не перегибай палку, Мила! – я резко поднялся, не желая продолжать этот разговор. – Мы оба остались в плюсе, не заставляй меня рвать отношения по плохому сценарию!

Она испуганно замолкла, а я торопливо покинул дом.

В этот день я катался по всей Москве. В офис компании, чтобы лично просмотреть документы и пообщаться с сотрудниками тендерного отдела, с финансовым директором, службой безопасности, руководителем отдела снабжения. Позже – визит к следователю отдела по борьбе с экономическими преступлениями, чтобы узнать, в чём именно меня обвиня-

ют и насколько всё серьёзно. Встреча с адвокатом.

Думаю, где-то в это время я и обнаружил пропажу телефона. Никакой особо секретной информации в нём не хранилось, но без своей контактной книжки я остался как без рук. И первым делом заехал в салон сотовой связи и приобрёл себе новый, синхронизировал данные учётной записи и обнаружил проблему. У меня больше не было номера Али.

К сожалению, ворох дел не оставил мне времени особо заморачиваться этим вопросом. Да и я надеялся, что девушка свяжется со мной сама, но шли дни, а сообщения всё не приходили.

Встреча с Бакинским выдалась более продуктивной, чем я рассчитывал. У Николая всегда нос по ветру, и, конечно, он не бросил меня один на один расхлёбывать дерьмо, в которое меня старательно пытались окунуть.

– Ты подумай, Сань, почему сейчас? – спросил он, стоило нам только устроиться в комнате отдыха при сауне. – Куда сунулся? Может, дорожку кому перешёл?

– Да в том-то и дело, что моя жизнь стабильна, никаких значительных изменений. Плавно течёт по направлению поставленных целей. Этот тендер, сам знаешь, осязаемая планка, к которой я шёл много лет.

– Кто участвовал в тендере?

– Сафронов, Гжельский, Насонов, Тимашук, – выдал, как на духу. – Я уже всё переиначил, Коль. Уверен, что никто из них не стал бы заморачиваться и подставлять меня. На кой

чёрт кому-то это надо, ты сам подумай?

– Не скажи. Сафронов – гнида мстительная, мог и заслать кого-то. Гжельский – точно нет. Он подавал заявки на три тендера по области, в двух победил, третий – взял ты. Конечно, перинатальный центр – более лакомый кусочек, но по сумме он остался в выигрыше. Насонов в строительстве постольку-поскольку, не полез бы против такого гиганта, как ты. Тимащук, конечно, в этой компании тоже тёмная лошадка, но сомнительно, что без тяжёлых аргументов он опустился бы до мелкого пакостничества. Ты с ним до этого не сталкивался?

– Ни разу. С Сафроновым у нас вечное противостояние интересов, ниша одна. С остальными никогда не вёл дел. Да и не верю я, что Леонид Степанович, человек старой закалки, мог так дешёво всё провернуть. Не его стиль.

– Тут ты, пожалуй, прав. Но я бы не торопился скидывать его со счетов. Как знать, что там с ним происходит. Я слышал краем уха, что старик нынче не тот. Вроде дочь планирует вводить в бизнес, а бабы у руля – те ещё фрукты.

– Не знал, что у него есть дочь.

– Так и я не знал, но добрые люди говорят, что он и образование ей дал лучшее из возможных, и красавица – просто загляденье. Около тридцати. Не замужем. Я бы поставил на неё.

– Ты жениться собрался? – рассмеялся я. – Ну умора! Самый завидный холостяк решил расстаться со своей свобо-

дой!

– Я, Сань, жениться не собираюсь, – хохотнул он в ответ. – Не нашлось ещё женщины, способной окольцевать этого жеребца. Да и разве на таких женятся?

– На каких же?

– Женятся, мой младший друг, или по очень большой любви или по очень большой выгоде. Любовь в нашем возрасте – это уже сродни фантастике. Если вдруг встретишь такую, то хватай, невзирая на обстоятельства. А выгода... Я её не ищу, своим добром карманы полны. И, насколько я помню, ты уже лет десять в браке чалишься?..

– Готовлюсь к разводу.

– Жена не участвует в делах фирмы? – тут же подобрался он. – Вот она – точно идеальная кандидатура.

– Жена только тратит деньги любит, – со смешком отмахнулся я, – а откуда они берутся – не её дело.

– Думай, Сань. Тут никого скидывать со счетов нельзя. Поверь моей чуйке, такие подлянки устраивают либо самые близкие, либо самые заинтересованные. Вот и остаются Сафронов с дочкой и твоя жена. – он усмехнулся. – Ради интереса, из-за бабы?

Я разразился хохотом.

– Вы все издеваетесь что ли? Заладили свою шарманку.

– Я тебе к тому, что если баба новая, то и она попадает в категорию потенциально заинтересованных лиц.

– Она – точно нет. – отрезал я.

– Значит, из-за бабы... – покачал головой Бакинский. –
Что, Санёк, значит, не врут? Есть любовь после тридцати пяти?
ти?

– Да иди ты... в баню! – хохотнул я.

– Только с тобой за компанию, – поддержал Николай, кивнув в сторону парилки.

12. Алекс

Я пробыл в Москве чуть больше недели. Это время показалось мне бесконечным адом по двум удручающим причинам: Мила душила меня своими причитаниями, Аля убивала своим молчанием. Я даже не сомневался, что эта очаровательная девчонка уже причислила меня к касте ублюдков, которые бросают таких, как она, после первой же ночи. Наверняка, именно об этом пишут в её книжках.

Дело о предоставлении подложных документов в закупках по тендеру за моей подписью и официальной печатью, в котором мне предъявили обвинение, а также слив внушительной части бюджета на оффшорные счета через подставные фирмы-однодневки, якобы поставлявшие закупочные материалы, хотя пока и не имело прямого доказательства моей причастности, но пахло сенсационно. Отвратительно.

Потому что, в случае доказательства моей причастности, мне светит до пятнадцати лет с конфискацией имущества. И это, пожалуй, ещё при нормальном раскладе. Мой адвокат не тешил меня иллюзией, что всё будет чудесно. Нет. Если другого выбора не останется, он попытается договориться о сделке, и, возможно, мне скостят срок лет до семи. А там, при хорошем раскладе, у меня будет шанс освободиться по УДО. Всего через каких-то пять лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.